

ХРИСТИАНСКОЕ

ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УЧЕБОВЪ.

1861.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РАСКОЛА.

Есть мысль, и она высказывается даже печатно, будто кто бы ни совершалъ въ половинѣ XVII-го вѣка основательное преобразованіе обрядовъ, Никонъ ли, или Іоакимъ, расколъ ~~долженъ~~ былъ явиться, какъ безобразный, сгнившій трутъ, или плевелы при вѣяніи ишеницы (1). Кто же послѣ этого былъ виною появленія раскола? Очевидно, никто. При такомъ взглядѣ на расколъ, онъ — горькая необходимость, неизбежное зло. Мы далеки отъ такого взгляда на расколъ и думаемъ, что какъ ни много было въ XV и XVI вѣкахъ задатковъ для раскола въ будущемъ, онъ только *могъ* явиться въ XVII вѣкѣ при благоприятныхъ этому условіяхъ, но *могъ и не явиться*, если бы обстоятельства этого времени и особенно обстоятельства патриаршества Никонова были иныя, чѣмъ какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Не смотря на множество обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ появленію, или точнѣе, разрыву раскола, начало которыхъ скрывается въ вѣкахъ XV и XVI, онъ все-таки произведеніе собственно XVII вѣка, и именно тѣхъ лицъ, при которыхъ явился, и той обстановки, среди которой возникъ. Высказывая эту мысль, мы понимаемъ расколъ не какъ совокупность

(1) Истор. Русск. Церкв. Филар. IV, стр. 180.

извѣстныхъ обрядовыхъ погрѣшностей,—онѣ были прежде XVII вѣка, могли существовать и послѣ, если бы и не было раскола,—но какъ противленіе Церкви и рѣшительное отдѣленіе отъ нея извѣстнаго большаго или меньшаго числа вѣрующихъ, совершившееся изъ-за нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей. А при такомъ взглядѣ на расколъ и его происхожденіе, естественно возникаетъ вопросъ: на кого же падаетъ вина появленія его именно въ началѣ второй половины XVII вѣка?

Отвѣтовъ на этотъ вопросъ—многое множество и еще больше разнорѣчія между ними. Каждый рѣшалъ вопросъ съ своей точки зрѣнія, отъ того нерѣдко правый у одного дѣлался безотвѣтно виновнымъ подъ перомъ другаго. Раскольники, какъ и слѣдовало ожидать, винили и вняли во всемъ п. Никона и его единомышленниковъ; православные, въ противодѣйствіе раскольникамъ, обвиняли и обвиняютъ первыхъ вождей раскола, оправдывая Никона и его сотрудниковъ. Это—отвѣты общіе, но они раздѣляются на множество другихъ, болѣе частныхъ и востану болѣе опредѣленныхъ. Который же изъ указанныхъ отвѣтовъ справедливъ? По нашему мнѣнію, безусловно—ни тотъ, ни другой, хотя въ каждомъ есть своя доля правды.

Мы не будемъ останавливаться долго на томъ обвиненіи, дѣлаемомъ Никону *раскольниками*, будто бы онъ 1) безъ нужды предпринялъ трудъ исправленія богослужебныхъ книгъ и 2) будто бы при выполненіи своего труда поступалъ не только *недобросовѣстно*, но даже *злонамеренно*. Не приводя многихъ и многихъ свидѣтельствъ въ доказательство того, что наши древнія до-никоновскія книги были наполнены разнаго рода погрѣшностями и требовали исправленія, которое и совершалось въ разное время и разными лицами до п. Иосифа включительно, мы укажемъ

только на свидѣтельство объ этомъ предметѣ Іосифовской Кормчей. «Воззри, православный читатель, говорится въ этой Кормчей, аще не лѣноственъ еси, обрящещи ли гдѣ правѣ еписанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ книгу? Обращещи ли чинъ и послѣдствіе по узаконенному святыхъ и богоносныхъ отецъ взаконенію? Но вѣмъ, яко неудобъ обрѣсти можещи, не точію въ соборныхъ градскихъ церквахъ, но ниже въ епископіяхъ, паче же ниже въ монастырѣхъ. Виждь убо, аще не плача достойна суть сія окаанная времена наша, въ няже, увы, достигомъ» (1). Для человѣка непредубѣжденнаго однихъ этихъ словъ достаточно, чтобы видѣть, на сколько справедливы увѣренія раскольниковъ, будто бы наши старыя книги были исправлены еще прежде Никона препод. Максимомъ Грекомъ и другими «святими и великоучеными мужами.» Если же мы обратимъ вниманіе еще на то, что печатаніе Кормчей, свидѣтельство которой мы привели, началось въ *последніе годы* жизни п. Іосифа и конечно уже при Никонѣ, впрочемъ въ ту пору его дѣятельности пастырской, когда, по сознанию самихъ раскольниковъ, онъ былъ еще православенъ,—что совершалось печатаніе Кормчей трудами и подъ надзоромъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя послѣ съ такою силою вооружались противъ исправленій п. Никона, — разумѣемъ справщиковъ при п. Іосифѣ: Аввакума, Лаваря, Никиту, діакона Феодора и другихъ; то пойдемъ, какая несправедливость со стороны раскольниковъ—утверждать, будто бы Никонъ началъ исправленіе книгъ *безъ нужды*, а съ злымъ умысломъ.

Не болѣе справедливъ и тотъ упрекъ раскольниковъ, дѣлаемый Никону, будто бы онъ, начавъ исправленіе

(1) Полн. Ист. Изв. Прот. Іоаннова стр. 60, изд. 1799 г.

книгъ, велъ это дѣло недобросовѣстно и даже злонамѣренно,—старался при исправленіи объ одномъ, лишь бы испортить истинную вѣру. Странное дѣло! Никону, родившемуся и воспитанному въ православіи, мужу высокой добродѣтели, неподражаемыхъ подвиговъ жизни аскетической, пламенной любви къ Вѣрѣ и Церкви (1), чело-вѣку ума необыкновеннаго, образованія высокаго, вдругъ ни съ того, ни съ сего пришла охота портить книги, извращать Вѣру, губить еретичествомъ церковь. Не правда ли, подобная переѣна больше, чѣмъ необъяснима? Раскольники хотятъ объяснить ее вліяніемъ Арсенія Грека, по сказанію раскольниковъ, еретика, чело-вѣка самой дурной жизни, трижды отступавшаго отъ православія. Но если бы и дѣйствительно Арсеній былъ таковъ, какимъ изображаютъ его раскольники, вліяніе его на Никона не могло имѣть никакихъ худыхъ слѣдствій для религиозныхъ убѣжденій Патриарха; потому что этого вліянія не было на самомъ дѣлѣ, да и не могло быть. Если Никонъ възскалъ Арсенія своимъ вниманіемъ и вызвалъ его изъ Соловецкаго монастыря для наблюденія за исправленіемъ книгъ, это значить только, что Арсеній былъ признанъ Никономъ чело-вѣкомъ способнымъ для этого дѣла, какъ знатокъ греческаго и славянскаго языковъ. Предполагать что либо большее въ этомъ случаѣ было бы несправедливо. Притомъ еще прежде, чѣмъ Никонъ узналъ Арсенія,—не только прежде вызова его въ Москву,—онъ уже вводилъ въ новгородскую церковь многое такое, что послѣ признано раскольниками ересью (2). А послѣ этого считать Арсенія виновникомъ мнимыхъ заблужденій Патри-

(1) См. объ этомъ въ «Трудахъ Кіевской Академіи» кн. 2, статья о Никонѣ.

(2) Напр. партесное пѣніе.

арха — больше, чѣмъ несправедливо. Несправедливо также видѣть въ Арсеніѣ причину и тѣхъ мнимыхъ «новшествъ», какія будто бы появились въ книгахъ, изданныхъ при Никонѣ. Не говоря уже о томъ, что неправоославіе Арсенія (если бы и допустить его) при переводѣ и исправленіи имъ книгъ могло и должно было встрѣчать противодѣйствіе въ другихъ справщикахъ, истинно православныхъ и благочестивыхъ, напр. въ Епифаніѣ Славенницкомъ, Дамаскинѣ и под., не станемъ забывать того, что дѣйствія всѣхъ ихъ вообще контролировались самимъ Никономъ и другими русскими архіереями—на соборахъ,—злоупотребленіе не могло укрыться, если бы оно и было ⁽¹⁾. Обвинять же Никона въ томъ, будто онъ, при исправленіи книгъ, «едино точію въ разумѣ имѣлъ — древнее отеческое благочестіе истребити, а инославное римское нечестіе утвердити» значить не знать или забывать, что Никонъ вооружался напр. противъ иностраннаго платья, музыки и под., называя все это обычаями *латинскими*, что онъ, при принятіи въ Церковь православную уніатскихъ священниковъ, повелѣвалъ имъ «римское и латинское недугованіе проклинати» ⁽²⁾, что наконецъ въ числѣ причинъ, по которымъ онъ былъ осужденъ и лишенъ патріаршества, поставлено было между прочимъ то, что Никонъ въ письмахъ своихъ къ восточнымъ патріархамъ называлъ Алексѣя Михайловича *латинстающимъ*, а церковь русскую — преклонившеюся къ *латинскимъ* догма-

⁽¹⁾ Подробное опроверженіе клеветъ раскольническихъ на Арсенія см. въ Твор. Св. Отц. 1900 г, кн. 2, стр. 300 — 310. Здѣсь же находится опроверженіе клеветъ раскольническихъ и на п. Никона.

⁽²⁾ Грам. Ник. о. Каллисту, игумену Марковскому, на намѣстничество Полоцкое и Витебское, дати. 1656 г., Март. 13 дня, въ др. Р. Визіос. ч. III, стр. 306. 1788.

тамъ (1). Что же касается вообще дѣйствій Никона при исправленіи книгъ, то нельзя не сознаться, что имъ приняты были всѣ мѣры для успѣшнаго исполненія этого важнаго дѣла, и притомъ мѣры тѣ самыя, какія употребляла для этого дѣла церковь и прежде него.

Такъ изъ практики древней церкви видно, что исправленіе богослужебныхъ книгъ по преимуществу совершалось людьми образованными, обладавшими достаточными свѣдѣніями въ наукахъ, какія были извѣстны въ ту пору, и особенно людьми знакомыми съ языкомъ греческимъ. Главные труды по этому дѣлу несли сами пастыри церкви, безъ всякаго сомнѣнія, мужи просвѣщеннѣйшіе между современниками, а за ними лица, нарочито избравшіяся для этой цѣли, каковы были напр. препод. Максимъ Грекъ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, троицкій архимандритъ Діонисій и др., на западѣ—ученыя братства. На такихъ же людей возложилъ дѣло книжнаго исправленія и п. Никонъ. Епифаній Славеницкій, Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій, Іаковъ «черный попъ, по прозванію философъ,» Арсеній Грекъ, архимандритъ Аеонскій Діонисій, — вотъ имена тѣхъ ученыхъ мужей, которымъ п. Никонъ поручилъ великое дѣло исправленія и перевода книгъ. Обо всѣхъ ихъ справедливо можно сказать, что это были люди «божественнаго Писанія вѣдущіе и еллинскаго языка навычные, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь перевести умѣющіе, и латинскую рѣчь достаточно знающіе» (2). Далѣе: издревле исправленіе богослужебныхъ книгъ нашихъ совершалось по древлеписьменнымъ книгамъ славянскимъ и по греческимъ

(1) Древн. Р. Визліос. ч. III, стр. 406.

(2) Полн. Собр. Зак. т. I, № 7; Ист. о Раск. Иги. 178.

подлинникамъ. Мисимъ Греть исправлялъ наши книги по греческимъ подлинникамъ ⁽¹⁾; при первыхъ патриархахъ исправленіе книгъ совершалось по древлеписьменнымъ и древлепечатнымъ книгамъ славянскимъ ⁽²⁾. Въ періодъ между-патріаршества опять при исправленіи книгъ сочли необходимымъ обратиться къ греческимъ подлинникамъ ⁽³⁾. П. Филаретъ рѣшился исключить изъ нашихъ требниковъ слово «и огнемъ» потому, что въ греческихъ подлинникахъ «ни въ которыхъ книгахъ тоя рѣчи» не было, какъ удостовѣрили его въ этомъ восточные патріархи ⁽⁴⁾. При п. Юсифѣ, столько уважаемомъ раскольниками, книги печатались хотя только «съ прежнихъ переводовъ» славянскихъ, но при сознаніи исправителями необходимости и въ книгахъ греческихъ ⁽⁵⁾. Точно также поступали въ этомъ случаѣ и въ нашей западной церкви. Чаще руководствовались при изданіи книгъ славянскими древними, но иногда появлялись книги, исправленные «съ еллинскими истинными изводами» ⁽⁶⁾. Патріархъ Никонъ ни на шагъ не отступилъ въ этомъ случаѣ отъ примѣра своихъ предшественниковъ. Всѣмъ извѣстно, какъ послѣ соборнаго рѣшенія, признавшаго нужду въ исправленіи книгъ, и по совѣщаніи съ царемъ, онъ отправилъ нарочитыхъ лицъ для собранія въ Москву древлеписьменныхъ славянскихъ книгъ изъ всѣхъ болѣе знаменитыхъ нашихъ монастырей, а потомъ, не удовольствовавшись книгами славянскими, послалъ Арсенія Суханова на Востокъ, чтобы онъ, не

⁽¹⁾ Иоаннов. стр. 34—5.

⁽²⁾ Ист. Р. Р. 119—120.

⁽³⁾ Чтен. Моск. Ист. общ. 1848 г. № 8, 1, 4.

⁽⁴⁾ Ист. о Раск. пр. Иги. стр. 135.

⁽⁵⁾ Въ послѣсловіи къ Шестодневу 1651 г. сказано: «съ прежнихъ переводовъ печатаюхъ, а греческихъ еще не видѣюхъ.»

⁽⁶⁾ Ист. Р. Церк. Филар. IV, стр. 143.

щады никакихъ издержекъ, старался приобрести тамъ греческія рукописи. По этимъ-то собранымъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Востока книгамъ славянскимъ и греческимъ, изъ которыхъ оди принадлежали знаменитѣйшимъ нашимъ святителямъ и угодникамъ; другія писаны были за 500, 600, 700 и даже 1000 лѣтъ прежде, патриархъ Никонъ рѣшился производить исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ.

Наконецъ, въ древней русской церкви до Никона исправленіе книгъ совершалось большею частію соборно, не единолично, и такой порядокъ вещей считался болѣе надежнымъ и успѣшнымъ. Еще стоголавый соборъ, въ слѣдствіе жалобъ царя Іоанна Васильевича Грознаго на неисправность тогдашнихъ книгъ, постановилъ: протоіереемъ и старшимъ священникамъ въ каждомъ городѣ по веѣмъ церквамъ осматривать священныя и церковныя книги; и если найдутся книги неправильныя и съ ошибками, то такія книги исправлять соборно по лучшимъ спискамъ (¹). Потомъ предъ патриаршествомъ Филарета занималось исправленіемъ книгъ цѣлое общество лицъ духовныхъ, во главѣ котораго стоялъ троїцкій архимандритъ Діонисій, а при п. Іосифѣ—общество извѣстныхъ справщиковъ: Аввакума, Лазаря и другихъ, подъ начальствомъ князя Львова. Подобныя же общества, или точнѣе братства, занимались исправленіемъ книгъ въ Кіевѣ, особенно при Петрѣ Могилаѣ, во Львовѣ, въ Острогѣ и др. мѣстахъ Запада (²). Мало того: исправители книгъ до п. Никона сознавали и постоянно высказывали въ своихъ изданіяхъ ту мысль, что исправлять книги всего лучше

(¹) Гл. 27.

(²) Ист. Р. Церк. IV, 101—100.

соборомъ всей русской церкви, по совету и согласію съ церковію греческою, отъ которой и заимствованы наши церковно-богослужебныя книги. Въ триади поестной 1589 г., названной при первомъ нашемъ патриаркѣ Іоаннѣ, говорится: «еще что кому въ ней помнится неотребно; и вы Бога ради сами исправляйте съ советомъ освященнаго собора, елико вѣсь слыше наставитъ святыи Паралитъ.» Эта же мысль повторяется почти во всѣхъ книгахъ, названныхъ и при п. Іоаннѣ: въ Сборникѣ, напечатанномъ въ 1642 г. (на л. 169), въ Прологѣ 1643 г., въ Апостолахъ 1649 г. и другикъ (1). Вотъ что сказано въ предисловіи послѣдней книги, напечатанной за три года до патриаршества Нилонова: «вась о богособорная чета! православія отецъ и братію освященныхъ, и причетъ. наче же и простыхъ, и всѣхъ въ благочестіи просѣвающихъ, писанія догматикъ приглаголюющихъ; мы грубіи... со усердіемъ молимъ прощенія просаще... елико влиинутъ обращете въ сей книгѣ погрѣшительная за недовѣдѣніе наше... по совету соборныхъ черкас исправите недокончанная или погрѣшенная въ разумѣ.» Точно также смотрѣли на этотъ предметъ и въ южно-русской церкви. Въ предисловіи къ тробнику Львовскаго изданія 1645 г. (2), Арсеній, еп. львовскій говорилъ: «что касается корректуры и исправленія типографскаго или луттеральнаго (т. е. чтобы видѣте а не стояло ак, видѣте б—а, видѣте далл—былл и пр.), то оно тщательно было замѣяемо и обыкновенно исправляемо. Что же касается неопознанныхъ, всегда различныхъ въ текогѣ и смыслѣ, корректуръ и исправленій, которыя дѣлаются въ другихъ типографіяхъ, то мы

(1) Иоанн. полн. Ист. изв. 54—56.

(2) Обзор. Славянорусск. библиогрѣ. Сакцова № 488.

оставили эту сторону въ покое, надѣясь, что при удобномъ случаѣ (что дай Богъ!) за общими и неослабшими стараніями архіереевъ православнои русской церкви, станутъ у насъ какъ одна достаточная и неограниченная корректура книгъ переведенныхъ, такъ и переводъ книгъ, еще не бывшихъ на нашемъ славянскомъ языкѣ.» (1). Что же касается до участія церкви греческой въ исправленіи нашихъ книгъ, то за нихъ обращались на Востокъ постоянно. На Западѣ еще въ концѣ XVI вѣка епископъ львовскій Гедевонъ, которому брестъ-литовскій соборъ поручилъ заняться исправленіемъ Требника, обращался за помощію къ Мелетію, александрійскому патріарху, управлявшему тогда и константиновольскимъ престоломъ; «извѣщая его о разности и неисправности славянскихъ книгъ», Гедевонъ просилъ восточнаго патріарха прислать ему греческій Евхологій—(2). Патріархъ Филаретъ, какъ мы уже замѣчали, по случаю возникшихъ недоумѣній на счетъ слова «и огнемъ», обращался за совѣтомъ къ восточнымъ святителямъ и только съ ихъ согласія повелѣлъ епископамъ и начальникамъ монастырей запереть это слово, а равно и сдѣланную на полѣ замѣтку: «быти сему глаголанію до соборнаго указа» (3). Наконецъ самъ п. Юсифъ, послѣ того, какъ замѣчено было ему іерусалимскимъ патріархомъ Пансіемъ о разныхъ нововведеніяхъ, введенныхъ въ нашу церковь, рѣшился приступить къ исправленію поврежденныхъ чиновъ и обичаевъ не только, какъ по предварительномъ изученіи чиновъ церкви восточно-гре-

(1) Руков. для Сельск. Паст., 1860 г., № 17, стр. 462.

(2) Ист. Р. Церк. Фил. IV, стр. 101; Москвитян. 1844 г. № 8, стр. 406—407.

(3) Чтен. Моск. Ист. Общ. 1848 г., № 8, 1, 18.

вославною. Для чего и отправленъ былъ на Востокъ извѣстный Арсентій Сухановъ. По примѣру своихъ предшественниковъ и п. Никонъ, рѣшившись на исправленіе книгъ, совершалъ это дѣло не иначе, какъ соборнѣ, — совѣтомъ не только пастырей русской церкви, но и восточныхъ патріарховъ. Еще прежде исправленія вызванъ былъ царемъ, по мысли Никона, — въ 1654 г. соборъ въ Москвѣ, на которомъ, подъ предѣлательствомъ самого царя и патріарха, присутствовали пять митрополитовъ, четыре архіепископа, одинъ епископъ, почетнѣйшій клеръ и царскій синклитъ. Послѣ того, какъ соборъ призналъ и опредѣлилъ, что «достоинно и праведно исправлять» новыя печатныя (книги старопечатныя — распольническія) въ Москвѣ книги «противу старыхъ харатейныхъ и греческихъ,» Никонъ, вмѣстѣ съ благочестивымъ царемъ, «умысливъ, да не одна ихъ воля, но да и совѣтъ вселенскихъ патріарховъ оныхъ книгъ о исправленіи будетъ,» обратилъ за совѣтомъ къ восточнымъ святителямъ, и соборъ, составившійся по этому случаю въ Константинополь, подъ предѣлательствомъ Павсія, вполне одобрилъ рѣшеніе московскаго собора. По собраніи древнеписанныхъ славянскихъ и греческихъ книгъ, по желанію Никона и съ согласія царя, составлялся (1653 г.) въ Москвѣ второй соборъ, замѣчательный особенно потому, что на немъ, кромѣ нашего иересвятителя, съ митрополитами, архіепископами, епископами и знатнѣйшимъ духовенствомъ, присутствовали еще два восточныхъ патріарха — антиохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ. Такъ какъ отцы собора «обрѣтоша древнія греческія» книги «съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася, въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славянскими древними многая несогласія и

погрѣшенія,» то и опредѣлена — поступать такъ, какъ опредѣлили прежніе соборы—московскій 1654 г. и послѣдовавшій за нимъ константинопольскій; и, чтобы показать примѣръ другимъ, сами немедленно зацѣлились исправленіемъ служебника и «во всемъ сирава сію святую книгу и согласно сотвори древнимъ греческимъ и славенскимъ,» повелѣли напечатать ее въ томъ же 1655 г., опредѣливъ, чтобы и другія книги, въ какихъ только находятся погрѣшенности, были также исправлены по древнимъ греческимъ и славянскимъ спискамъ. Когда же Никонъ, при помощи восточныхъ святителей, Макарія патріарха антиохійскаго, Гавріила патріарха сербскаго, Григорія митрополита никейскаго и Гедсона митрополита молдавскаго, окончательнѣе убѣдился въ неправоудности двуверстнаго сложенія для крестнаго знаменія, онъ снова созвалъ (23 апр. 1656 г.) на соборъ всѣхъ русскихъ архипастырей, которые, выслушавъ рѣчь Патріарха, объяснившаго имъ пути, приведшіе его къ познанію правильнаго перстосложенія, опредѣлили слагать персты для крестнаго знаменія такъ, «якоже древо святая восточная Церковь пріяла есть,» т. е. изображать крестъ «стремя первыми великими персты десныя руки,»—и одобрили, послѣ тщательнаго пересмотра, переведенную съ греческаго и только-что напечатанную книгу Скрижалъ (1). А послѣ всего этого, кто не согласится, что Никонъ для исправленія церковныхъ книгъ употребилъ всѣ самыя лучшія мѣры, какія употребляла наша церковь и прежде: исправленіе производилось по древнимъ греческимъ и славянскимъ книгамъ и рукописямъ, — лицами самыми образованными, какихъ только можно было тогда найти

(1) Ист. Р. раск. стр. 158—174.

въ православной Россіи и на Востокѣ, и потому естественно болѣе другихъ способными и благонадежными, — производилось наконецъ соборнѣ, — совѣтомъ не только русской, но и восточной церкви. А если такъ, то на какія же изъ дѣйствій Никона можно указать (если только можно), какъ не такія, которыя прямо или косвенно содѣйствовали появленію раскола?

Первымъ такимъ дѣйствиємъ п. Никона мы признаемъ его распоряженіе касательно справщиковъ книгъ, бывшихъ при п. Іосифѣ. Извѣстно, что послѣ того, какъ рѣшено было дѣло исправленія книгъ, Никонъ прежнихъ справщиковъ удалилъ отъ печатнаго двора и на мѣсто ихъ назначилъ новыхъ. По видимому, такое распоряженіе Патріарха было не только естественно, но и совершенно необходимо. Справщики книгъ при п. Іосифѣ, по несомнѣнно дознаннымъ фактамъ, были люди не глубокаго ума, не большихъ свѣдѣній и кромѣ того люди зараженныя тѣми самыми ошибочными мнѣніями, которыя всего болѣе смущали Никона. Значить, присутствіе ихъ на печатномъ дворѣ, участіе при исправленіи и выдаваніи книгъ не только не могло приносить никакой существенной пользы, напротивъ могло быть даже вредно. Не смотря на все вниманіе къ печатному дѣлу самого патріарха, они могли по прежнему вносить въ издаваемые книги погрѣшности, если и не такія важныя, какъ было это при п. Іосифѣ, по крайней мѣрѣ такія, какихъ трудно избѣгать человѣку не совсѣмъ способному. А послѣ этого выборъ на печатный дворъ новыхъ лицъ болѣе даровитыхъ и способныхъ, чуждыхъ погрѣшностей, которыя прежде всего предположено было исправлять, былъ совершенно законною мѣрою со стороны Никона, рѣшившагося вполнѣ исправить наши богослужебныя книги. Но

если мы находимъ распоряженіе п. Никона касательно прежнихъ справщиковъ книгъ дѣйствию не вполне благоразумнымъ, то хотимъ сказать этимъ не то, будто Патріархъ не долженъ былъ избирать для предполагаемаго исправленія книгъ новыхъ справщиковъ, а то, что съ тѣми лицами, которыя несли труды изданія книгъ при п. Іосифѣ и въ первые годы его патріаршества, онъ долженъ былъ поступить иначе, чѣмъ какъ поступилъ. Избравъ новыхъ справщиковъ книгъ, онъ долженъ былъ, по благоразумію, до поры до времени оставить на печатномъ дворѣ и прежнихъ. Вреда особеннаго отъ этого не могло бы быть, а между тѣмъ отъ такого распоряженія не послѣдовало бы и того зла, какое принесло книжному дѣлу и всей церкви удаленіе этихъ лицъ отъ занимаемой ими прежде должности.

Не могло быть особеннаго вреда для книжнаго исправленія, если бы п. Никонъ, назначавъ для исправленія и изданія книгъ невѣстныхъ уже намъ образованныхъ мужей, оставилъ на печатномъ дворѣ и прежнихъ справщиковъ. Доказывать эту мысль нѣтъ большой необходимости. Самый отчаянный пессимистъ можетъ указать въ этомъ случаѣ только развѣ на то, что между прежними и новыми справщиками могли бы возникнуть въ такомъ случаѣ разнаго рода интриги и проски. Но кто не согласится, что при такомъ несчастіи страдали бы болѣе сами интригующіе, чѣмъ книжное дѣло, и что внимательный надзоръ Патріарха, на невниманіе котораго тогда никто не имѣлъ бы права жаловаться, могъ если не прекратить, но крайней мѣрѣ ослабить внутренній раздоръ между его подчиненными. Что же касается опасенія, будто бы въ такомъ случаѣ желаніе Патріарха и согласныхъ съ нимъ новыхъ справщиковъ исправить они-

божныя мнѣнія прѣдѣльныхъ полаганій книгъ касательно неправильнаго сложенаго перстовъ для крестнаго знаменія, чтеніе 8-го члѣна символа вѣры и др., могло встрѣтить противодѣйствіе въ вѣрнѣйшихъ справщикахъ, какъ бывшихъ представителями этихъ мнѣній; то всакой согласится, что умъ, довѣрчивый къ добру въ людяхъ, можетъ ошибъ въ этомъ предметѣ и другую, совершенно противоположную, именно, что, можетъ быть, тогда Аввакумъ и подобныя ему сами убѣдились бы въ неправотѣ своихъ мнѣній и оставили бы ихъ. Потому что тогда, во самомъ порядкѣ вещей, эти мнѣнія, въ слѣдствіе неодинаковаго отношенія къ нимъ прѣдѣльныхъ и новыхъ справщиковъ, подверглись бы болѣе внимательному об-сужденію, новые справщики — партія согласная съ Патриархомъ должна была бы тогда позаботиться о присканіи достаточныхъ основаній для своихъ требованій и пере-мѣнъ, и думать, что, если бы эти основанія были указа-ны, Аввакумъ и другіе не захотѣли бы упорствовать въ своихъ ошибкахъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго. «А еже-немъ быти у него, патриарха, въ послушаніи и *безъ рассу-жденія* не прекословити ни въ чемъ, самое незакон-ное се дѣло», писалъ Нероновъ царскому духовнику Сте-пану Волынецкому. Значитъ, справщики прѣдѣльные не счи-тали бы дѣломъ незаконнымъ подчиняться волѣ Патри-арха, желавшаго уничтожить въ прѣдѣльныхъ книгахъ ученіе о дуперстгѣи и другія ошибочныя мнѣнія, если бы выслушаны были ихъ *рассужденія* объ этихъ предметахъ и предло-жены были на ихъ же *рассужденія* основанія ученія исти-наго. Тѣмъ болѣе дѣрочно подобное предположеніе, что нѣкоторыя изъ мнимыхъ нововведеній Никона, по сви-дѣтельству самихъ старообрадцевъ, не только не осуж-дались Іосифовскими справщиками, напротивъ одобрялись,

напр. партесное пѣніе, введенное Никономъ еще въ бытность его митрополитомъ новгородскимъ ⁽¹⁾, и что вообще Іосифовскіе справщики не прочь были отъ пріятія троесперстія и др. «церковныхъ вещей», если бы не препятствовали этому другія причины. «Со вселенскими патріархами, говорилъ однажды тотъ же Нероновъ самому Никону, нѣсмь противень, якоже глаголени ты; но тебѣ единому не покаряюся... *мы тебѣ противимъ ѿ церковныхъ вещей*. Патріархи тебѣ писали, что креститься тремя перстами подобаетъ, невокоряющихся же подъ клятвою и запрещеніемъ устроити заповѣданна: аще ты съ ними соглашался, азъ сему не противень, азъ убо подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ быти не хошу; да каа тебѣ честь, владыко святыи, что великому еси страшень?» Значить, если бы Никонъ вмѣсто грознаго и строгаго осужденія прежнихъ справщиковъ, какъ людей неспособныхъ и зловредныхъ, оказалъ имъ милостивое снисхожденіе, положимъ, на первый разъ не заслуженное ими, и оставилъ ихъ при печатномъ дворѣ, — они могли бы согласиться съ нимъ въ «церковныхъ вещяхъ» и постарались бы заслужить прощеніе за прежніе свои грѣхи. Предположенію нашему не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что нѣкоторые изъ указанныхъ лицъ, не смотря ни на какія принужденія и страданія, никакъ не хотѣли принять мнимыхъ нововведеній Никона и оставить своихъ ошибочныхъ мнѣній. Это было уже послѣ того, какъ Патріархъ отставилъ ихъ отъ печатнаго двора; значить, тутъ было другое дѣло, существовали другія причины. Какія — увидимъ послѣ. Да наконецъ если бы

(1) Повѣсть о рожденіи, воспитаніи и о кончинѣ Никона, рукоп. нашей академ. бібліотеки № 14.

и допустить, что *нѣкоторые* изъ Юсифовскихъ справщиковъ по прежнему остались бы упорными въ своихъ ошибкахъ,—зла отъ этого не могло бы быть большаго. Тогда ихъ возгласы противъ мнимыхъ нововведеній необходимо теряли бы часть своего значенія отъ того самаго, что другіе изъ ихъ общества были бы согласны съ Патриархомъ. Такимъ образомъ, очевидно, мы не согласны съ мнѣніемъ тѣхъ, кои на удаленіе отъ печатнаго двора Юсифовскихъ справщиковъ п. Никономъ смотрятъ какъ на мѣру «умную и благодѣтельную» и въ разсѣяніи ихъ по разнымъ мѣстамъ готовы видѣть «прекращеніе раскола,» который будто бы потому только распространился, что «нашлись Никону при дворѣ многочисленныя и сильныя враги» (*). Нѣтъ, мы думаемъ иначе. Отставивъ отъ печатнаго двора и заточивъ потомъ по разнымъ мѣстамъ справщиковъ, первыхъ расколуучителей, Никонъ одержалъ побѣду только *видимую* и не особенно блестящую (потому что что-за торжество для патриарха послать въ заточеніе нѣсколькихъ поповъ и протопоповъ?). На самомъ же дѣлѣ такимъ распоряженіемъ Никонъ сдѣлалъ большую ошибку, которая вскорѣ и принесла свои горькіе плоды.

Зло, какое произошло отъ такого распоряженія, состояло въ томъ, что удаленные отъ печатнаго двора справщики, и прежде не совсѣмъ довольные Патриархомъ за его преобразованія, теперь сдѣлались самими первыми и заклятыми его врагами. Оглашеніе ихъ Патриархомъ людьми неспособными и даже зловредными въ отношеніи къ исправленію книгъ, какъ и слѣдовало ожидать, оскорбило ихъ ученое самолюбіе до послѣдней степени. А между

() Русск. Раск. Старообряд.—Щапова, стр. 45—49.

тѣмъ были причины въ самомъ ходѣ дѣла, по которымъ не слѣдовало бы раздражать этихъ людей. Не споримъ, что Патріархъ, любимецъ и другъ Царя, могъ (на сколько справедливо, увидимъ) считать себя выше козней и интригъ какихъ либо поповъ и протопоповъ; но все же, если не для собственной безопасности, то для успѣха дѣла, важнаго для всей церкви, не нужно было затрогивать слабыхъ сторонъ Юсифовскихъ справщиковъ. Эти попы и протопопы, положимъ, были гораздо ниже Патріарха, по своему іерархическому положенію; но все же и они пользовались необыкновеннымъ почетомъ и уваженіемъ въ народѣ, слыли за философовъ своего времени, за людей «збѣло искусныхъ» въ словѣ Божіемъ и отеческихъ писаніяхъ, мало этого, имѣли даже значеніе при самомъ дворѣ. Начальникомъ печатнаго двора, на которомъ трудились Аввакумъ и его сотоварищи, былъ князь Львовъ, разумѣется, человекъ не безъ связей общественныхъ. У Аввакума въ числѣ духовныхъ дѣтей находились лица даже близкія къ царской семьѣ. Таковы придворныя боярыня изъ рода Морозовыхъ, Соковнинныхъ, Урусовыхъ и др. Стефанъ Вонифатьевъ, сотрудникъ Аввакума и другихъ по изданію книгъ, былъ духовникомъ самого Царя. А послѣ этого само собой понятно, что неприязнь такихъ людей къ Патріарху могла имѣть свое значеніе. Не смотря на это, п. Никонъ не пощадилъ ихъ самолюбія и этимъ самымъ повредилъ не только себѣ лично, но и тому святому дѣлу, ради котораго собственно и удалилъ отъ печатнаго двора неспособныхъ справщиковъ.

Лишь только указанные попы и протопопы лишились своихъ мѣстъ, приносившихъ имъ столько почета, какъ немедленно стали разсѣивать въ народѣ и въ другихъ слояхъ общества неудовольствіе противъ Патріарха. И

такъ какъ не могли же они высказывать истинныхъ причинъ своего нерасположенія къ Никому, то, разумѣется, позаботились приискать причины, хотя и ложныя, тѣмъ не менѣе не безопасныя для Патріарха. Книжное исправленіе, начатое Никономъ, и указало имъ путь къ отысканію этихъ причинъ. Личное нерасположеніе къ Патріарху замѣнено неудовольствіемъ на его преобразованія, жалобы на минимумъ несправедливости Никона смѣнились клеветой на его нововведенія. Вездѣ и всѣмъ Іосифовскіе справщики стали проповѣдывать, что Патріархъ не исправляетъ книги, но портитъ, что онъ развращаетъ древнюю Вѣру и губитъ еретичествомъ церковь. Если мы возьмемъ во вниманіе то обстоятельство, что эти мысли стали разсѣивать въ народѣ тѣ самыя лица, которыя преждемъ патріархъ сами занимались издаваніемъ «священныхъ книгъ», которымъ, слѣдовательно, по мнѣнію большинства, лучше всякаго другаго могла быть извѣстна истина и ложь, православіе и ересь; то поймемъ, какъ опасна должна была быть подобная проповѣдь, особенно при общемъ нерасположеніи къ Патріарху духовенства и бояръ.

Не смотря на многія несомнѣнныя пастырскія достоинства, какими обладалъ Никонъ, нельзя сказать, чтобы онъ пользовался особенною любовію современнаго ему духовенства. И причина этого была опять въ самомъ же Патріархѣ, въ его характерѣ суровомъ до непреклонности, въ его управленіи строгомъ иногда до безпощадности. Не отвергаемъ того, что духовенство времени Никона далеко не соответствовало своему назначенію, что нужны были мѣры для исправленія безпорядковъ, какіе существовали въ клирѣ. Но зло было такъ давне, вошло въ жизнь духовныхъ такъ глубоко, что требовались осо-

бенная осторожность и благоразуміе при истребленіи его. Крутыми и строгими мѣрами едва ли можно было чего либо достигнуть, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ, кои уже погразди въ этомъ злѣ. Еще можно было съ успѣхомъ дѣйствовать на молодое поколѣніе, — и внимательный надзоръ Никона за ставленниками нельзя не назвать мѣрою похвальною во всѣхъ отношеніяхъ; но едва ли можно было надѣяться на успѣшное исправленіе людей старыхъ, сжившихся съ своими недостатками. Между тѣмъ Никонъ, по возшествіи на патріаршій престолъ, объявилъ себя врагомъ всего беспорядочнаго и дурнаго, въ комъ бы это дурное ни существовало. Своевольныхъ и нерадивыхъ поповъ и протопоповъ онъ строго смиралъ, посылалъ въ монастыри на черныя работы, лишалъ сана, заключалъ въ темницы, а иногда даже въ церкви смиралъ неисправныхъ рукою по малу ⁽¹⁾. Понятно, какъ все это должно было казаться тяжелымъ людямъ, привыкшимъ къ жизни свободной и своевольной, особенно священноцерковнослужителямъ московскимъ, изъ которыхъ многіе знали Никона еще простымъ священникомъ, подъ именемъ Никиты Минина ⁽²⁾, а иные были съ нимъ даже въ дружбѣ ⁽³⁾. Неудовольствіе на Патріарха въ духовенствѣ было неизбѣжно, хотя и не совсемъ справедливо, и оно не замедлило явиться. Скоро вездѣ и почти всѣ стали кричать: «знаете ли, кто Патріархъ, звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ?» Явились даже смѣльчаки, которые лично укоряли Патріарха въ его строгости, хотя и безъ успѣха. Было бы несправедливо укорять Никона за такую строгость, если

(1) Твор. Св. Отц. 1860 г. кн. 2, стр. 342.

(2) Ист. о Раск. ир. Иги. стр. 184.

(3) Твор. Св. Отц. стр. 268—269.

смотреть только на побужденіе, по которому онъ такъ немиролюбиво относился къ подчиненному ему духовенству; но нельзя не признать въ подобной строгости Патріарха непрактичности и слишкомъ идеальнаго воззрѣнія на дѣло, — недостатка немаловажнаго во всякомъ правителѣ. Патріарху нужна была преданность низшаго духовенства; при помощи его и только одного его, онъ могъ провести въ толпу тѣ новыя на взглядъ тогдашняго общества порядки и чины, какіе заводилъ Никонъ; а между тѣмъ онъ болѣе всего и вооружилъ противъ себя этихъ необходимыхъ помощниковъ. Зло отъ этого было очень велико. Клеветы справщиковъ Юсифовскихъ на Патріарха, будто бы развращающаго Вѣру, были встрѣчены большинствомъ духовенства, по личному нерасположенію къ Никону, съ сочувствіемъ, и бѣдному народу грозила опасность быть введеннымъ въ обманъ. Такъ и случилось, какъ увидимъ послѣ.

Не меньшую неприязнь питали къ Никону и бояре. Ихъ всего болѣе досадовала близость Патріарха къ престолу и особенная любовь къ нему Царя. Никонъ, какъ извѣстно, былъ не только другомъ Алексѣя Михайловича, но и первымъ совѣтникомъ его во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Этой чести Патріархъ не искалъ, но заслужилъ ее по праву, — своимъ умомъ, своею преданностію Царю, своимъ самоотверженіемъ на пользу отечества. Но, разумѣется, бояре подобныя достоинства Патріарха забывали, а помнили только одно его недостойнство, — то, что онъ былъ родомъ простой поселянинъ. Если бы все дѣло ограничилось этимъ, тогда, конечно, неприязнь бояръ къ Патріарху и козни, какія употребляли они къ его гибели, падали бы всею своею тяжестью на главу виновныхъ. Къ сожалѣнію, не такъ было на

самомъ дѣлѣ. Никонъ самъ часто давалъ боярамъ поводъ къ неудовольствіямъ разнаго рода и самъ былъ отчасти виною того, что интриги придворныя сосредоточились почти на немъ одномъ. Причиной этого былъ тотъ же строгій и подь часъ рѣзкій характеръ Никона. Еще въ бытность новгородскимъ митрополитомъ Никонъ обращался со многими боярами такъ, что они писали: «лучше бы намъ въ Новой Землѣ за Сибирью, съ князь Иванъ Ивановичъ Лобановымъ пропасть, нежели съ новгородскимъ митрополитомъ: какъ такъ сильно заставляетъ говорить, — никого своею силою не заставишь Богу вѣрять.» Жалоба не отзывается нравственностію, но лишена и въ некоторой справедливости. И вотъ тогда же придворная толпа бояръ стала кричать: «никогда такого безчестія не было, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитамъ (*).» Царь Алексѣй Михайловичъ предостерегалъ Никона отъ подобныхъ стоиновеній съ боярами, говоря: «добро, государь владыко святой, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному обличеніе мози ему есть;» однако Никонъ, какъ видно изъ послѣдующихъ обстоятельствъ, не послушался совѣта доброго царя, знавшаго хорошо безпощадность боярской ненависти и злобу придворныхъ интригъ. Судѣвшійся патриархомъ, Никонъ еще болѣе вооружилъ противъ себя бояръ своими строгими замѣчаніями противъ ихъ несовсѣмъ нравственной жизни, а нерѣдко и положительными мѣрами противъ ихъ своеволія, особенно выражавшагося въ пренебреженіи церковныхъ уставовъ и въ пристрастіи къ новымъ обычаямъ, несогласнымъ съ образомъ жизни благочестивыхъ предковъ. Появились ли

(*) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 87.

у бояръ вывезенные изъ польскаго похода латинскіе иконы и органы, Никонъ смѣло обличалъ ихъ, за это въ храмѣ предъ лицомъ самого государя, и даже отбиралъ запрещенные предметы. Хотѣлось ли кому либо дозволить себѣ удовольствіе турецкаго омовенія, преступленіе становилось извѣстнымъ Патріарху и получало достойное наказаніе. Начиналъ ли извѣстный бояринъ поздно являться въ патріаршія палаты, онъ не оставался безъ должнаго замѣчанія со стороны Никона. Все это крайне раздражало бояръ, любившихъ жить по своей волѣ. Когда же царь Алексѣй Михайловичъ, отправляясь въ походъ, подчинилъ Никону своего намістника и бояръ, которые безъ него не могли рѣшить никакого дѣла и должны были каждое утро являться къ нему съ докладами, а по возвращеніи изъ похода далъ ему титулъ «великаго государя,» — ненависть бояръ къ Патріарху достигла послѣднихъ предѣловъ. Особенно недовольны были такимъ порядкомъ вещей родственники Царя — Морозовы, Милославскіе, Стрѣшмевы и другіе. Подъ вліяніемъ внушеній оскорбленнаго самолюбія, они рѣшили, во что бы то ни стало, низложить и погубить Патріарха. Для этой дѣли главнымъ орудіемъ противъ Патріарха они избрали такъ называемый монастырскій приказъ, учрежденный въ патріаршество Юсифа, въ которомъ засѣдали бояре съ правомъ разсматривать жалобы на духовныхъ и даже съ правомъ полнаго завѣдыванія монастырями и церквами съ монастырскими. Мало по малу бояре, недовольные Никономъ, стали дѣлать чрезъ монастырскій приказъ распоряженія не только мимо Патріарха, но и съ открытымъ намѣреніемъ оскорблять его. Отъ духовныхъ имѣній они переходили къ духовнымъ лицамъ, опредѣляли священниковъ и игуменовъ именемъ Царя безъ всякаго сноше-

нія съ Никономъ. Понятно, какъ все это должно было раздражать Никона, защитника правъ русской церкви и величія высшей церковной власти. Онъ началъ доказывать всю неправоту подобнаго порядка дѣлъ и, въ порывѣ негодованія на своеволие бояръ, позволялъ несовсѣмъ скромные отзвыы о самомъ приказѣ, учрежденномъ по волѣ царя. Боярамъ того только и хотѣлось. Они стали представлять Никона въ глазахъ Царя преступникомъ, злоумышляющимъ противъ самодержавной власти. Эти ли клеветы бояръ на Никона предъ Алексѣемъ Михайловичемъ, или что либо другое было причиною первыхъ неудовольствій между Царемъ и Патріархомъ, — неизвѣстно съ достовѣрностію; но неудовольствіе возникло, и этого достаточно было боярамъ, чтобы развязать руки на бѣольшую дерзость въ отношеніи къ Патріарху. И нельзя сказать, чтобы бояре показали себя въ этомъ случаѣ людьми достойными своего имени. Въ злобѣ они позволяли себѣ то, на что не рѣшился бы человекъ благородный. Одни, чтобы выразить свое презрѣніе къ Никону, называли именемъ его своихъ собакъ (Стрѣшневъ Семень). Другіе, чтобы раздражить Патріарха и тѣмъ вызвать его на новый какой либо неблагоприятный поступокъ, стали оскорблять патріаршихъ бояръ и чиновниковъ (стольникъ Хитровъ). Иные посягали на самую собственность Никона, и притомъ по полномочію монастырскаго приказа (Бабарыкинъ). А нѣкоторые, болѣе ярые, готовы были даже лишить жизни Патріарха (1). Стрѣлъ было пущено много и многія достигали цѣли. Подъ вліяніемъ такихъ оскорбленій,

(1) Бояре—судьи по дѣлу Бабарыкина писали: «и только бы онъ (Никонъ) былъ не такова чина, и имъ бѣ и жива его не отпустили» (Ист. Р. Церк. пр. Фил. IV, 49).

характеръ Никона, горячій и вспыльчивый, сдѣлался еще раздражительнѣе, и онъ дѣйствительно начинаетъ дѣйствовать оскорбительно и для Царя и для своего собственнаго достоинства. Но бояре не думали ограничиваться одними оскорбленіями, какія они причиняли Никону. Имъ хотѣлось погубить Патріарха, чтобы освободиться отъ его вліянія, и вотъ они всѣми мѣрами стараются стать между нимъ и Царемъ. Искусство вести интриги помогло имъ не допустить Патріарха до личныхъ откровенныхъ объясненій съ Царемъ, которыхъ оба они желали и которые могли бы положить конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ. Царь, по просямъ бояръ, перестаетъ являться на служенія Патріарха, не допускаетъ къ себѣ его самого, а между тѣмъ наговоры и клеветы на святителя такъ и кишатъ при дворѣ. Неудовольствіе Царя на Патріарха при помощи бояръ скоро перешло въ гнѣвъ и открытую вражду. Друзья сдѣлались врагами, вопреки собственному желанію. При такомъ положеніи дѣлъ, Никону, очень хорошо сознававшему свою правоту предъ Царемъ, трудно было не уѣхать изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, хотя бы даже безъ царскаго позволенія, а между тѣмъ этотъ поступокъ съ одной стороны выставлялъ своеволие Патріарха, съ другой открывалъ врагамъ его обширное поле для козней. Выставляя предъ Царемъ непослушаніе Патріарха, бояре народу стали объяснять удаленіе святителя немилостію Царя за его мнимыя нововведенія. Такимъ образомъ къ толпѣ недовольныхъ Никонъ изъ духовенства, не безъ вины со стороны самого Патріарха, присоединилось не малое число изъ бояръ — съ меньшимъ вліяніемъ на толпу, только съ большимъ умѣніемъ доводить свои козни до конца. Можно было опасаться, что при такихъ обстоятельствахъ дѣло книж-

наго испредлема, данаго Никонемъ, достигнуть признан-
ствію и не приисесть надлежащихъ плодовъ. Такъ и слу-
чалось.

Лично только наметаны были черныя и неправедныя
книги и стали разсматриваться по церквамъ, какъ всѣ не-
довольныя Никонемъ дѣла духовныя объявляли себя про-
тивъ нихъ. Правда всего возстали противъ подложныхъ
книгъ справщики Иосифовскіе. Одни изъ нихъ ста-
ли проповѣдывать, что вообще въ новыхъ книгахъ во-
вредены древніе чины и уставы; другіе, болѣе смѣле,
прямо указывали эти, будто бы испорченныя, дѣла; а
нѣкоторые осмѣливались даже писать анологіи въ запы-
ту старыхъ порядковъ. Іоаннъ Переронъ каждый день
являлся въ соборъ и запрещалъ дьячкамъ трогать ал-
лекуіа. Протопопы Аввакумъ и Даниилъ «сорокицы и бр-
тїею» сошлись на общее совѣщаніе и написали челобит-
ную, въ которой жаловались на намясаніе Патриархомъ
двумерстнаго сложенія, на оставленіе земныхъ поминковъ
въ святую Четырдесятницу и др., и которую подали Ца-
рю. Діаконъ Федоръ, подобно другимъ, «новыя законы и
уставы обличая, народы учаше новинамъ не предлагатися,
но древняго благочестія предѣлы держати.» По всей съ-
роютности, съ такими же чувствами относились къ ново-
введеннымъ дѣламъ и прочіе справщики Иосифовскіе
— Никита, Мазаръ и др. Что же за причина была та-
кого общаго нерасположенія этихъ лицъ къ трудямъ
Патриарха? Было бы несправедливо объяснять все дѣло
одною личною неприязнью уваженныхъ лицъ къ Никону
за то, что онъ думалъ ихъ дѣятели неправды и
объявлялъ людьми неправославными; но далеко есть исти-
ны, кажется, и то предположеніе, будто они дѣйстви-
тельно единственно по искреннему убѣжденію оъ справедли-

востн тѣхъ мнѣній, которыя отставали. Мы уже имѣли случай указать на некоторыя свидетельства этихъ самыхъ лицъ, изъ которыхъ видно, что ревнители дуперстия и другихъ мнѣній, которыя патріархъ Никонъ призналъ ошибочными, отставали свои заблужденія не столько по приверженности къ нимъ, сколько по шудовольствію на Патріарха за то, что онъ ввелъ новыя мнѣнія самовластно и уничтожилъ прежнія насильствомъ и строгостію. Теперь представимъ некоторыя новыя соображенія въ пользу той же мысли. Прежде всего во всѣхъ послѣдствіяхъ Юсеевскихъ справщиковъ противъ мнѣній нововведеній Никона самымъ замѣтно раздраженіе этихъ лицъ противъ Патріарха. Читая обвиненія ихъ, видишь, что всѣ они пропитаны, такъ сказать, самою злою ненавистію къ Никону, переполнены самыми нечестными, нередко нарочно придуманными, клеветами на него; а это невольно приводитъ на мысль, что всѣ эти сочиненія писаны не столько въ защиту известныхъ вѣрованій, сколько для оскорбленія и униженія Патріарха. Далѣе: возстали противъ Никона и его исправленій прежніе справщики *мораве* и притомъ *съ безъ исключенія*, — фактъ замѣчательный, который опять даетъ некоторое основаніе думать, что они руководились въ этомъ случаѣ не столько привязанностію къ старымъ книгамъ, — не могли же всѣ они читать по крайней мѣрѣ одинаково сильную привязанность къ старымъ, — сколько своимъ личнымъ расположеніемъ къ Патріарху, который сдѣлалъ несправедливость всѣмъ имъ, и притомъ одну и ту же. За тѣмъ: многія изъ этихъ лицъ, послѣ того, какъ Никонъ, удалившись изъ Москвы, ждалъ суда и осужденія, оставали свои мнѣнія и обращались къ православію, хотя некоторыя только на время. Таковы: Іоаннъ Перомовъ, Никита, Да-

зарь, дѣякоу Феоdorf, принесеніе покаяніе на соборѣ 1666 — 7 года. Подобное явленіе даетъ право по крайней мѣрѣ на такое заключеніе, что указанныя лица, если и держались своихъ мѣній по привязанности къ нимъ, то все-таки эта привязанность находила себѣ не малую пищу въ личномъ нерасположеніи къ Патриарху, и вотъ, когда Никонъ уже былъ такъ сказать отщепенъ, она начинала слабѣть въ тѣхъ, комъ не отличались твердостью характера. Наконецъ, не можемъ не указать еще на одинъ фактъ, который не мало подтверждаетъ нашу мысль. Въ числѣ жалобъ, которыя Нероновъ отъ лица всѣхъ своихъ собратій высказывалъ Царю и самому Патриарху, есть между прочимъ жалоба на то, за чѣмъ Никонъ избралъ справщиками книгъ кievскихъ иноковъ и ученаго Арсенія Грека. «Ты хвалишь законоположеніе иноземцевъ и обычаи тѣхъ приемишь, говорилъ Нероновъ Никону; иныѣ у тебя то и святые люди: гречане и изъ Малыя Руссін»... «Стаи добрѣ, церковное чадѣ, жаловался тотъ же Нероновъ самому Царю, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ.» О чемъ же молили эти богомольцы? «Молимъ тя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай; зришь бо въ нихъ, государь, ни одну отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія на лицѣ истиннаго вообразити не хотять и сложенію перстовъ блядословно противятся, на колѣни же поклонитися Господеви отъ покая ради не хотять.» Имѣя въ виду то, что эти челобитчики за нѣсколько лѣтъ прежде сами печатали книги многихъ западныхъ иноковъ, какъ книги православныя (таковы: книга о вѣрѣ, большой и малый катихизисы и др.) и сами же говорили въ этихъ книгахъ ⁽¹⁾, что церковъ

(1) Въ книгѣ о вѣрѣ л. 27 — 29.

греческая ни въ чемъ не отступила отъ православія, — мы можемъ объяснить приведенную выше жалобу Неронова только досадою Юсифовскихъ справщиковъ на Патріарха за то, что онъ на мѣсто «высоко ученыхъ великороссійскихъ протопоповъ и поповъ» поставилъ справщиками книгъ западныхъ иноковъ и нѣкоторыхъ грековъ. Исправленія этихъ лицъ клеймились именемъ ересей не потому, чтобы они были таковы на самомъ дѣлѣ, а просто потому, что эти исправленія дѣлались не Нероновымъ и Аввакумомъ съ братією, а «иностранными» пришельцами. Нашему взгляду на рассматриваемый предметъ не противорѣчитъ то обстоятельство, что нѣкоторые изъ Юсифовскихъ справщиковъ, и по изложеніи Никона, упорно держались своихъ мнѣній — до конца своей жизни. Во-первыхъ, мы уже 'сказали, что нельзя думать, будто этими людьми руководила одна только личная неприязнь къ Патріарху безъ отношенія къ ихъ религиознымъ убѣжденіямъ и привязанностямъ. Во-вторыхъ, и смотря на дѣло такъ, какъ мы смотримъ, можно объяснить упорство этихъ лицъ. Слава и громкая популярность имѣютъ съ собою слишкомъ много привлекательнаго, чтобы не увлечься ими; быть учителемъ вѣры, называть себя апостоломъ, разсылать свои посланія «ко всѣмъ вѣрнымъ на всемъ лицѣ земномъ» — какъ поступалъ Аввакумъ, — во всемъ этомъ столько заманчивости и обаянія, что можно, и не сознавая въ себѣ призванія на такое дѣло, рѣшиться однакоже на него. При томъ не нужно забывать и того, что есть люди, которые, однажды рѣшившись идти по извѣстной дорогѣ вследствие какихъ бы то ни было обстоятельствъ, уже не способны оставить своего пути, хотя бы обстоятельства послѣ и перемѣнились, особенно, когда дѣло касается

такихъ вещей, помѣшанность въ которыхъ не составляетъ чести для человѣка. Какъ бы впрочемъ ни было, только Іосифовскіе справщики, удаленные Никонѣмъ отъ печатнаго двора, первые востали противъ Патріарха и изданныхъ имъ, нововсправленныхъ книгъ. Что же предпринялъ Никонъ въ противодѣйствіе этимъ лицамъ и въ обезпеченіе успѣха своего дѣла?

Прежде всего, какъ и оубодвало ожидать, онъ убѣждалъ непокорныхъ подчиниться волѣ своего верховнаго пастыря; а потомъ, когда убѣжденія оказались недействительными, онъ сослалъ болѣе упрямыхъ въ разныя мѣста на заточеніе. Аввакумъ отправленъ, по его собственнымъ словамъ, «въ далечайшія сибирскія страны, въ самые глубочайшіе предѣлы, за великимъ озеромъ Байкадомъ.» Даниилъ, протопопъ костромской, не разстрашеніи, посланъ въ Астрахань. Логгитъ, протопопъ муромскій, по лишеніи сана, отправленъ въ свой городъ Муромъ. Лазарь, попъ романовскій, и Никита, попъ судальскій, разсланы были также по своимъ городамъ. Князь Львовъ, бывший начальникомъ печатнаго двора, попалъ въ Соловки. Протопопъ Іоаннъ Нероновъ, по лишеніи скуобы, сначала содержался въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ, потомъ сосланъ въ Спасо-каменный вологодскій и оттуда въ Кольскій монастырь. Одинъ только дьяконъ Федоръ оставленъ былъ въ Москвѣ (можетъ быть потому, что замѣнить его, не какъ справщика, а дьякона благовѣщенскаго собора, было некому), да еще Стефанъ Вонифатьевъ, духовникъ Царя, — лице неприкосновенное. «Такимъ образомъ,» говорится въ одной книгѣ по поводу заточенія по разнымъ городамъ Іосифовскихъ справщиковъ, первыхъ вождей раскола, «п. Никонъ старался предупредить дальнѣйшее движеніе раскола совершенно за-

конными, истинно церковными ибрами: Вот главные за-
 чинщики его были разсыяны. И издатоли служебника
 1655 г. имѣли полное право сказать, что благочестивымъ
 повелѣніемъ п. Никона и царя Алексѣя Михайловича
 «случаство изчезе, неправда отгнана бысть, яже потре-
 бися, вмѣсто же сихъ истина якуеть, правда явѣ-
 теть, любовь владычествуетъ» (1). Кромя того, что въ
 этихъ словахъ есть историческая невѣрность въ томъ
 отношеніи, что, по всѣмъ соображеніямъ, нѣкоторые изъ
 Юсифовскихъ справщиковъ (2) были высланы изъ Москвы
 уже послѣ 1655 года, — намъ почему-то напоинили они
 наивность дѣтей, которые въ случаѣ какой либо опасно-
 сти закрываютъ себѣ голову, или даже только глаза,
 и думаютъ, что они уже спасены. Ужели въ самомъ дѣ-
 лѣ п. Никонъ на свое распоряженіе касательно заточе-
 нія по разнымъ городамъ первыхъ вождей раскола могъ
 смотрѣть, какъ на мѣру — предупредить *дальнѣйшее движе-*
не раскола? Ужели можно было думать, что, съ удале-
 ніемъ этихъ лицъ изъ Москвы, расколъ прекратился,
 опасность миновалась? Не наоборотъ ли должно было
 заключать, что чѣмъ дальше уѣзжалъ какой либо Аввакумъ,
 тѣмъ дальше пропикали и сѣмена раскола? Мы по край-
 ней мѣрѣ такъ понимаемъ дѣло, и въ указанномъ распоря-
 женіи Патріарха не только не видимъ «мѣры умной»
 для предупрежденія раскола, напротивъ видимъ ошибку,
 рѣшительно необъяснимую ничѣмъ, ненамѣренное сред-
 ство распространить расколъ. Доказывать, что это такъ
 должно было быть, нѣтъ нужды, когда такъ случилось.
 Историческіе факты убѣдительнѣе всякихъ соображеній, а

(1) Русск. Раск. Старообр. Шапов. стр. 45.

(2) Наприм. *Давидъ*, см. Твор. Св. Отцъ нр. 2. 1860 г. стр. 830—1;
 Аввакумъ, см. Правосл. Собес. 1858 г. Май, стр. 96.

они прямо доказывают ту мысль, что первые вожди раскола въ Москвѣ, по удаленіи своемъ изъ столицы, были первыми распространителями своихъ мнѣній и въ другихъ мѣстахъ. Сибирь обязана своимъ расколомъ Аввакуму, который, по словамъ Винограда Россійскаго, какъ «въ заточеніи живой, тако и вспять возвращаяся, всюду свободнымъ гласомъ и благодарстванною душою древнаго благочестія свѣтлостъ пресвѣтло проповѣдалше» — «обличая Никоіанство... пестрообразную прелесть,» по его собственнымъ словамъ. Лазарь лишь только прибылъ въ Романовъ, какъ началъ «свободнымъ языкомъ древлецерковное повѣдати благочестіе и Никонова новшества изобличать.» Никита «ревновалъ по благочестію» въ своемъ Суздалѣ до того, что «прошеніе и книги жалобныя написалъ на новонисправленныя книги» (1). Неласковій пріемъ новопечатныхъ книгъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1656г. мы объясняемъ между прочимъ тѣмъ, что тамъ былъ въ это время князь Львовъ. Участь Данила и Логгина была нѣсколько печальнѣе; оба они заключены были въ темницы и скоро скончались; но нѣтъ ничего невѣроятнаго допустить, что и они, если не въ Астрахани и Муромѣ, то по крайней мѣрѣ на пути не принуждали привести свою лепту въ даръ расколу. Даже Іоаннъ Нероновъ, слабодушнѣйшій изъ всѣхъ другихъ, дѣлалъ свое дѣло, пиша изъ заточенія письма то къ духовнику царскому, то къ самой царицѣ и ходатайствуя предъ ними за свою «братію» и «церковь». Такимъ образомъ несомнѣнные историческіе факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что на удаленіе п. Никономъ Іосифовскихъ сирващиковъ изъ столиц по разнымъ городамъ въ заточеніе нужно смотрѣть не

(1) Объ всемъ этомъ см. въ Виноградѣ Росс. Денисова.

какъ на умную мѣру къ предупреденію раскола; но какъ на большую ошибку со стороны Никона, бывшую причиною того, что расколъ, сначала обнаружившійся въ Москвѣ, былъ разнесенъ теперь повсюду. Трудно даже понять, какъ съ умомъ Никона можно было допустить такой промахъ.

Успокоившій удаленіемъ изъ столицы враговъ своихъ, праживкъ исправленію книгъ, Никонъ продолжалъ начатое дѣло книжнаго исправленія съ энергіею, свойственною его величеству и твердому характеру. Въ 1655 году вывелъ изъ печати новоконсправленный служебникъ, а за тѣмъ и скорѣе издало нѣсколько другихъ книгъ. Патриархъ разослалъ (1656 г.) по церквамъ новые служебники и приказалъ отобрать праживки. Мы далеки отъ того, чтобы вѣрить Докторову, который говоритъ, будто Никонъ для распространенія новыхъ книгъ употребилъ «мучительства, толченіи историческихъ, мученія страстныхъ, и ужасныя смерти и непохвотительныя умертвія,» равно не считаемъ вѣрными и того извѣстія, будто «новыя книги принятъ соуду не хотѣху;» но знаемъ, что такое распоряженіе произвело во многихъ мѣстахъ волненіе, перешедшее потомъ въ общее возстаніе противъ новоконсправленныхъ книгъ и за тѣмъ въ расколъ. Послѣ этого вопроса о томъ, крѣпко ли поступилъ Никонъ, когда приказалъ иному отбирать времена несправныхъ книгъ и не мѣсто нѣмъ вводить новыя, а не предоставлялъ этого времени, представляется необходимымъ и довольно важнымъ. Какъ же рѣшимъ его? Сущность отвѣта, каковой обыкновенно даютъ на предложенный вопросъ, состоитъ въ томъ, что мѣра эта была *ошибка естественная*, а за тѣмъ слѣдуетъ указаніе на примѣръ п. Филарета, который

тобралъ устанъ 1610 г. и даже сжегъ его (1). Примѣръ, говорятъ, заразителенъ, тѣмъ не менѣе мы удерживаемся отъ подражанія ему и, вопреки мнѣнію почти общему, утверждаемъ, что указанная мѣра была вовсе не естественна и примѣръ п. Филарета не говоритъ ничего въ оправданіе Никона.

Неоднократно уже говорили мы, что патріархъ Никонъ имѣлъ несчастье имѣть себѣ много враговъ, которые еще прежде, чѣмъ явились на свѣтъ новоправленныя книги, уже проповѣдывали, что Патріархъ не правъ въ книги, а портитъ и развращаетъ Вѣру. Враги эти были теперь разсыпаны по разнымъ мѣстамъ, но не разсыпались ихъ ложныя убѣжденія. Напротивъ и словомъ и писаніемъ они всюду старались распространить мысли, которыя держались сами. Въ Соловецкомъ монастырѣ встрѣтили новоправленныя книги уже съ преданатою мыслию объ ихъ исперченности. Эта несправедливая мысль была, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ, скажемъ словами напыщеннаго витія раскольническаго Денисова, снѣдали дивное ступаніе красныя ноги благовѣствовавшихъ недобрую несправедливость, — Аввакума, Давидова и др. Что оставалось дѣлать Никону при такихъ обстоятельствахъ? Постараться, какъ бы и во чтобы то ни стало, показать неправоту распространяющагося мнѣнія, а для этого самымъ естественнымъ мѣромъ было разослать новоправленныя книги, но ничуть не отбирать прежнихъ, чтобы люди, предубѣжденные противъ первыхъ, могли разрѣшать свои недомыслия, слѣдить ихъ съ послѣдними. Тогда каждому правовѣднику лжи можно было сказать: «спради и вѣждь, смичай и повѣрай, и ты най-

(1) Русск. Раск. Старообр. Шапов. стр. 50—51; свес. Ист. Русск. раск. Макарія, стр. 182.

дешь только перемену въ словахъ, новость въ выраженіяхъ, но ни чуть не порчу Вѣры. А если тебѣ не нравятся и новыя слова, поступаи какъ знаешь, служи по прежнимъ книгамъ до поры до времени, именно до тѣхъ вѣръ, пока не утихнутъ поднятое личными врагами Патріарха волненіе, или пока не уничтожатся твои старыя книги, какихъ больше печатать уже не будутъ.» Кажется, все это такъ просто и естественно, что распространяться дальше было бы многословіемъ. Теперь посмотримъ, что должна была произвестъ мѣра, употребленная Никономъ. Стоустая молва объ испорченности новыхъ книгъ уже бродила между народомъ. Люди самыя скептическіе, до которыхъ только достигла она, ожидали новоисправленныхъ книгъ съ недоумѣніемъ. Вотъ книги являются, но въ тоже время отбираются прежнія. Это почему? Эти книги не исправны, говорятъ посланные Патріарха. Какъ такъ? Уже ли же мы служили и молились Богу доселѣ не такъ, какъ слѣдуетъ? Ужели наши молитвы были не во спасеніе, а въ грѣхъ? Чего же смотрѣли люди, отъ которыхъ зависѣло это дѣло? А эти люди были наши святители-патріархи, по благословенію которыхъ издавались прежнія книги. Ужели же я они служили по неправымъ книгамъ? Многіе изъ этихъ вопросовъ, совершенно неизбежныхъ при такомъ порядкѣ вещей, до того важны, что положительный отвѣтъ на нихъ былъ бы страшнымъ ударомъ для вѣрующей души, и вотъ волей-неволей приходится отвѣчать отрицательно, а при такомъ отвѣтѣ мысль объ испорченности новыхъ книгъ является уже неизбежною. Случись при этомъ кому либо послушать проповѣди Аваакума или подобнаго ему, и сомнѣніе его въ православіи новаго Патріарха необходимо перейдетъ въ твердую увѣренность касательно его еретичества. Такъ

и было въ тѣхъ мѣстахъ, куда уже проникли сімена лжеученія. А если мы припомнимъ, что говорили прежде о неудовольствіяхъ на Никона со стороны духовенства, то не удивимся, что такъ было почти повсюду, гдѣ появлялись новыя книги. Такимъ образомъ, обстоятельства, въ какихъ, по несчастію, находился Никонъ, дѣлали указанную мѣру вовсе неестественною, — мало того, — гибельною для Патріарха и вредною для церкви. Примѣръ патріарха Филарета ничего не доказываетъ. Мы даже удивляемся, какъ можно сослаться на этотъ примѣръ, — такъ онъ не похожъ по обстановкѣ на обстоятельства патріаршества Никонова. Филаретъ, отецъ царя, прославляемый всѣми за страданія, перенесенныя въ плѣну за отечество, любимецъ духовенства за милости къ нему ⁽¹⁾, — развѣ это-тоже, что Никонъ, незнатный родомъ, нелюбимый духовенствомъ, ненавидимый боярами, разладившій подъ конецъ съ Царемъ — другомъ?

Впрочемъ оставимъ на время безъ вниманія тѣ несчастныя обстоятельства, въ какихъ находился и. Никонъ и на которыя, какъ видно, онъ самъ не обращалъ вниманія, — и посмотримъ, благоразумно ли было бы съ его стороны распоряженіе объ отобраніи прежнихъ книгъ даже въ томъ случаѣ, если бы враги Патріарха не успѣли разсѣять въ народѣ лжи объ испорченности новыхъ книгъ?

При рѣшеніи этого вопроса неизбежно возникаетъ другой — а томъ, что могло побудить Патріарха къ такой мѣрѣ? Обыкновенный отвѣтъ на этотъ вопросъ — тотъ, что прежнія книги были исворочены. Правда; но что же изъ этого слѣдовало? По нашему мнѣнію, только — то, что эти книги нужно было исправлять и исправленныя расписать

(1) Хроногр. Митр. Пахомія 1639 г.

для употребленія въ церквахъ, *ни мало не запрещаая книги прежнихъ*. Не споримъ, что при такомъ положеніи дѣла зло еще продолжало бы существовать, но зло во-первыхъ слишкомъ небольшое, которое во-вторыхъ скоро прекратило бы свое существованіе. Мы сказали, что если бы прежнія неисправныя книги оставались въ употребленіи народа и по изданіи въ свѣтъ книгъ новоисправленныхъ, зла отъ этого большаго не было бы, и вотъ доказательства. Погрѣшности нашихъ прежнихъ книгъ, побудившія п. Никона къ изданію книгъ новыхъ, были, положимъ, многочисленны, но не особенно важны. Этимъ мы не отвергаемъ необходимости для Никона исправлять книги, — и неважныя ошибки въ книгахъ, предназначенныхъ для церковнаго употребленія и для наученія народа истинамъ Вѣры — достаточная причина къ исправленію этихъ ошибокъ, — а только хотимъ высказать ту мысль, что не слѣдовало предпринимать для уничтоженія неважныхъ погрѣшностей мѣръ особенно сильныхъ, которыя могли бы возбуждать въ массѣ волненія и недоумѣнія. А такова именно была мѣра, употребленная Никономъ. Намъ могутъ сказать, что погрѣшности старыхъ книгъ были не только многочисленны, но и важны, и могутъ указать въ этомъ случаѣ на неправильныя мнѣнія, внесенныя Іосифовскими справщиками въ печатныя книги. На это мы отвѣтимъ: какъ смотрѣть на дѣло. Прежде всего: эти мнѣнія существовали въ церкви гораздо прежде п. Никона, и однакожь чрезъ это ни церковь не была не православною, ни члены ея не лишились спасенія. Значитъ, если бы эти мнѣнія оставались въ старыхъ книгахъ и послѣ изданія Никономъ новыхъ, православіе нашей церкви, и въ частности тѣхъ членовъ ея, которые до времени держались бы этихъ мнѣній, ни-

сколько не страдало бы. Говорятъ: «пока эти мнѣнія не были обличены и отвергнуты церковною властію, до тѣхъ поръ они были грѣхами невѣдѣнія извинительными, но послѣ уже другое дѣло;—послѣ обличенія ихъ церковію они сдѣлались уже мнѣніями раскольническими» (1). Не понимаемъ, какъ это сдѣлалось бы, если бы церковная власть, или лучше п. Никонъ, взявъ во вниманіе значеніе обрядовой стороны богослуженія въ дѣлѣ вѣры и спасенія, призналъ эти мнѣнія только ошибочными, но ничуть не ересію, и слѣдовательно отнесся бы къ лицамъ, зараженнымъ этими мнѣніями, только какъ къ людямъ заблуждающимъ, но ничуть какъ къ еретикамъ, или раскольникамъ. А Никону такъ и слѣдовало поступить въ этомъ случаѣ, во-первыхъ потому, что нѣкогда онъ самъ держался этихъ самыхъ ошибочныхъ мнѣній,—значитъ, были причины, по которымъ съ одной стороны указанныя ошибки имѣли право, хотя бы и незаконное, на существованіе; съ другой—патріархъ Никонъ долженъ былъ быть снисходителемъ къ ошибкамъ, которыхъ не избѣжалъ самъ; во-вторыхъ, такъ смотрѣть на дѣло совѣтовалъ Никону патріархъ константинопольскій Памсіій, который въ отвѣтъ на вопросы Никона о разныхъ замѣченныхъ имъ въ русской церкви, погрѣшностяхъ, писалъ: «твое преблагенство сильно жалуеться на несогласіе нѣкоторыхъ чиновъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ церквахъ, и полагаешь, что эти различные чины растлѣваютъ нашу вѣру. Хвалимъ мысль: ибо кто бѣдится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя и отъ великихъ. Но исправляемъ намѣреніе: ибо иное дѣло еретики, которыхъ заповѣдуетъ намъ Апостолъ убѣгать по

(1) Истор. Русскаго раск. пр. Макар. стр. 146—147.

первомъ и второмъ наказаніи; и иное дѣло раскольника, которые хотя, повидимому, соглашаются въ главныхъ догматахъ православія, имѣють однакожь и свои ученія, чуждая католической церкви; но если случится какой либо церкви разствовать отъ другой въ нѣкоторыхъ чинахъ неважныхъ и несущественныхъ, т. е. не касающихся членовъ и догматовъ Вѣры,—каково, напримѣръ, время совершенія литургіи и под.,—то это не дѣлаетъ никакого раздѣленія, лишь бы только непреложно сохранялась та же Вѣра. Церковь не отъ начала приняла все то чинослѣдованіе, какое содержитъ нынѣ, а постепенно, и въ разныхъ церквахъ нѣкоторые чины вводились разновременно, и прежде святыхъ Дамаскина, Космы и другихъ пѣснотворцевъ, мы не пѣли ни тропарей, ни каноновъ, ни кондаковъ: все это однакожь не производило раздѣленій между церквами, когда соблюдалась неизмѣнно та же Вѣра, и онѣ не считались ни еретическими, ни раскольническими. Такъ и нынѣ не должно думать, будто развращается наша вѣра православная, если одинъ кто либо творитъ слѣдованіе свое, немного различное отъ другаго—въ вещахъ несущественныхъ, т. е. не касающихся членовъ Вѣры.» Этотъ мудрый совѣтъ, очевидно, касался чинослѣдованій служебника, который Никонъ прежде всего и велѣлъ отбирать. Такъ же прямо и снисходительно совѣтовалъ Пансіѣ Никону смотрѣть и на другія болѣе важныя разности, существовавшія въ то время въ нашей Церкви. Всего болѣе, какъ извѣстно, смущало Никона распространившееся въ ту пору двуперстіе, которое употребляли и для крестнаго знаменія и для благословенія священническаго. Пансіѣ, основывая на преданіи обычай креститься тремя первыми перстами правой руки, писалъ о благословеніи именованномъ,

между прочимъ, вотъ что: «такъ какъ Богъ съ клятвою обѣщалъ Аврааму, да благословятся вси языцы земли отъ сѣмени его, которое есть Иисусъ Христосъ — Іс Хс, — то Церковь благословляетъ всѣхъ, начертывая рукою священническою имя Мессіи: Іс Хс. Какими бы перстами кто ни изображалъ эти четыре буквы, разности не будетъ: только бы и благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что благословіе исходитъ отъ Иисуса Христа рукою священническою» (1). Въ-третьихъ наконецъ — потому, что такой взглядъ на это дѣло есть дѣйствительно истинный. Наша церковь, позволивъ едновѣрцамъ упреждение тѣхъ самыхъ разностей, противъ которыхъ вооружался п. Никонъ, не лишаетъ однакожъ ихъ чрезъ это надежды на спасеніе, — знаетъ, что, по взгляду церкви, эти разности не важны. Но споримъ, что гораздо лучше было бы вдругъ уничтожить всѣ эти разности и другія вогрѣшности, находящіяся въ нашихъ старыхъ книгахъ; но этого можно было достигнуть только постепенно, какъ постепенно появлялись указанныя ошѣбки. Крутыя мѣры въ подобныхъ случаяхъ всегда приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы, потому что масса никогда не бываетъ приготовлена къ мгновенной реформѣ надлежащимъ образомъ, и слѣдовательно кромѣ людей послушныхъ, которые всегда найдутъ причины покориться опредѣленію власти, могутъ встрѣтиться люди съ истинною привязанностію къ прежнему порядку вещей, и потому самому упрямые, которые или подымутъ ропотъ на нововведенія, или, если и примутъ ихъ; то неохотно, какъ что-то внѣшнее, насильственное; — во всякомъ случаѣ

(1) Посланіе п. Писма къ Никону напечатано въ Скрижаляхъ ч. 1, стр. 639—760.

пользы мало. Не то бываетъ при реформѣ костеленскихъ. Часть людей передовыхъ, какихъ никогда не лишено общество, появля съ перваго же раза пользу и справедливость новыхъ учрежденій, если только дѣйствительно такова бываетъ реформа, немедленно переходятъ на сторону нововводителей и начинаютъ выразять въ своей жизни и дѣятельности новыя начала. Польза и правда—необходимый результатъ подобаго порядка вещей—мало по малу становится очевидными для всѣхъ и ощутительными для каждаго, такъ что и тѣ, кои еще не сообразили до теоретическаго пониманія новыхъ началъ, не въ состояніи бываютъ противиться ихъ практической vraisemblance, — желаніе самому себѣ добра и невольное благоговѣніе предъ истиной заставляютъ и этихъ званыхъ влиять себя въ число избранныхъ и пользоваться всѣми выгодами новаго порядка вещей. То же самое было бы, если бы патріархъ Никонъ рѣшился вводить въ практику церкви и употребленіе народное свои несомнѣнно полезные и справедливыя исправленія постоянно и основательно. Пастыри церквей, если бы даже и находились между ними люди съ привязанностію къ указаннымъ погрѣшностямъ, скоро поняли бы свою ошибку и оставили бы ихъ, потому что существованіе этихъ ошибокъ основывалось въ существѣ дѣла не на сознаніи ихъ справедливости, но на безответномъ увѣреніи того, что было въ прежнихъ кнѣгахъ. Самъ Никонъ въ оправданіи своемъ, что употреблялъ въ первые годы своего патріархата двушерстіе, ссылался на то, что такъ было сказано въ «Теодоритовомъ писаніи»; тоже говоритъ онъ и о другихъ, замѣчая притомъ, что само Теодоритово писаніе внесено въ печатныя и рукописныя книги только *кель-*

оказана⁽¹⁾. Значитъ, стоило раскрыть грѣхи невѣдѣнія и некая, въ чемъ заключается правда, и истина вос- тержествовала бы надъ ложью. Пастыри въ свою очередь указали бы правду своимъ пасомымъ, и церковь русская не только избавилась бы отъ раскола, но даже не долго видѣла бы между своими членами незначительное обрядо- вое разногласіе, — тѣмъ болѣе, что самые источники это- го разногласія или были не многочисленны, — таковы из- данія Иосифовскими справщиками книги, въ числѣ 6000 экземпляровъ, въ которыхъ внесено было ученіе о дву- перстіи⁽²⁾, — или должны были скоро уничтожиться сами собою — отъ времени, такъ какъ новыхъ изданій подоб- ныхъ книгъ уже не было бы.

Не того долженъ былъ ожидать Никонъ при своей кру- той и почти насильственной мѣрѣ, — отобраніи прежнихъ несправныхъ книгъ, если бы, повторимъ, онъ даже не былъ въ тѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, о ко- торыхъ уже была рѣчь. Прежде всего такую мѣрою ошиб- камъ маловажнымъ давалось значеніе серьезныхъ заблуж- деній, которыхъ будто бы никакъ нельзя было терпѣть, хотя эти ошибки существовали цѣлыя столѣтія. Нужно ли говорить, что подобное обстоятельство могло и даже должно было оскорбить религиозное чувство всякаго, кто держался этихъ ошибокъ, хотя бы и безотчетно, а чис- ло такихъ людей составляло большинство: «единія толію зѣло престарѣлыя люди того ученія не пріяна и не вни- маху прелести нововоднаго арменоподражательнаго дво- перстваго сложенія⁽³⁾». Далѣе: такимъ распоряженіемъ унижался прежнія книги, какъ несправныя, а между

(1) Истор. Русск. раскол. стр. 170.

(2) 3-е посл. Игнат. Тоб. въ Прав. Собес. 1855 г. кн. 2, стр. 93—98.

(3) Тамъ же.

тѣмъ не уважать эти книги было невозможно. Если, какъ мы знаемъ, самъ Никонъ давалъ большое значеніе древнимъ церковнобогослужбнымъ книгамъ, говоря: «въ нихъ святѣи Божіи чловѣци и велици ихъ творци восточнии богословцы и учителя Аѳанасій Великій, Василій Великій и Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинскій, Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ, московскіе чудотворцы, и прочіи святѣи поучающеса, Богови угодиша.... (1)»; то что сказать о большинствѣ и массѣ менѣе образованной и въ слѣдствіе этого боѣе способной привязаться къ виѣшней обрядности? Опытъ говоритъ лучше всего; большая часть современниковъ Никона смотрѣла на древнія книги, какъ на святые и необходимыя для спасенія. Но вотъ эти святые книги начинаютъ отбирать, какъ неисправныя и поврежденныя, по которымъ не лзя ни служить, ни молиться Богу. Мы не удивились бы, если бы подобное расперженіе возбудило въ народѣ ропотъ и негодованіе на Патріарха, даже безъ отношенія къ указаннымъ выше неблагопріятнымъ этому дѣлу обстоятельствамъ, — напротивъ, мы удивились бы, если бы ничего подобнаго не было. Да, наконецъ, если бы даже допустить, что привязанность современниковъ Никона къ прежнимъ церковнобогослужбнымъ книгамъ была не велика, — и въ такомъ случаѣ не слѣдовало, вводя въ употребленіе новыя книги, запрещать употребленіе прежнихъ, для того именно, чтобы не усилить этой привязанности. По странному свойству чловѣческой природы, запрещенный плодъ почему-то особенно намъ нравится, — истина общезвѣстная. Тоже бываетъ и съ запрещенными книгами. Огъ повольно воз-

(1) Опис. кн. Царск. т. II, стр. 156; у Шадова стр. 15, примѣч. 3.

буждаютъ въ человѣкѣ особенное къ себѣ уваженіе до того, что покупаются за большія деньги, хранятся, не смотря на опасность быть обличеннымъ въ нарушеніи закона, читаются и перечитываются нѣсколько разъ, съ особеннымъ вниманіемъ не только къ общему ихъ содержанию, но къ частнымъ мыслямъ, даже къ словамъ, въ которыхъ стараются найти особенный таинственный смыслъ. Это свойство человеческой природы до того известно всѣмъ и каждому, что люди, способные, какъ говорятъ, ловить рыбу въ мутной водѣ, иногда нарочито распространяютъ слухи о секвестрѣ, наложенномъ будто бы на ту или другую книгу, въ видахъ скорѣйшаго сбыта ея, что и бываетъ къ удовольствію глубочайшихъ психологовъ. Подобныхъ же результатовъ долженъ былъ ждать и Никонъ, когда приказалъ отбирать по церквамъ прежнія неисправныя книги. Отобрать всѣ книги онъ не могъ уже потому одному, что не зналъ числа ихъ; за исключеніемъ книгъ отобранныхъ, оставалось и должно было остаться въ народѣ еще не мало другихъ, избѣгнутыхъ новальнаго обиска; и вотъ эти-то книги, какъ подвергшіяся запрещенію, сдѣлались предметомъ еще большаго благоговѣнія и любви, тѣмъ какими пользовались прежде. Такимъ образомъ мы думаемъ, что строгое запрещеніе Никона уничтожить при богослуженіи старыя книги не только не содѣйствовало приращенію раскола, напротивъ прямо и положительно помогло его распространенію и усиленію тѣмъ, что, обративъ особенное вниманіе всѣхъ на эти книги, оно заставляло народа дорожить ими, а равно и находившимся въ нихъ ошибочными мнѣніями. Говорятъ: «народъ, герцогу любившій Никона, во всей вѣрности, съ безпрекословною покорностію принялъ бы всѣмъ имъ книгамъ, если бы его не возмущили рас-

колоучители (1). Правда, народъ любилъ Никона, но народъ только московскій, котораго Патриархъ защищалъ отъ несправдъ боярскихъ, спасалъ во время моровой язвы и голода, кормилъ сайнами при выходахъ своихъ на служеніе (2), да еще, можетъ быть, новгородскій, видѣвшій тѣ же милости Никона. Между тѣмъ мнѣги донововрѣленнымъ посмѣялись и туда, гдѣ, можетъ быть, только слыхали про Никона. А главное: любовь толпы, какъ бы она сильна ни была, явленіе слишкомъ всемерное, чтобы прочности его можно было вѣрять съ несомнѣнностію. Примѣръ не далеку и — поразительнѣйшій. Когда появился въ Новгородѣ голодъ, Никонъ, тогда еще митрополитъ новгородскій, не щадя ни хлѣба, ни денегъ, учредилъ въ своемъ домѣ ежедѣльную раздачу милостыни во воскресеньяхъ деньгами, а въ простые дни хлѣбомъ; кромѣ того, ежедневно кормилъ бѣдныхъ по ступи и болѣе челоуѣкъ, а для престарѣлыхъ вдовъ и сиротъ устроилъ четыре богадѣльни. Новгородцы не находили словъ для выраженія своей благодѣтельности и любви къ милостивому архипастырю. Но вотъ интригантъ Морозовъ, близкій причиною бунта въ Москвѣ, возбуждаетъ плетень и въ Новгородѣ. Народъ взволновался и началъ грабить. Воевода Хилмовъ рѣшился было успокоить мятежниковъ, но устроенный угрозами, скрылся на митрополитскій дворъ. Узнавъ объ этомъ, разъяренная толпа съ пиками и дубинами устремилась къ архіерейскому дому. Никонъ, скрывъ воеводу во внутреннѣхъ своихъ покояхъ, приказываетъ запирать ворота своего дома, а самъ выходитъ изъ палаты своихъ къ мещаниннѣмъ и съ ангельскою кротостію начинаетъ говорить имъ: «любозныя дѣти!

(1) Русск. раск. остробор. Никона, стр. 34.

(2) Чтен. Моск. Ист. Общ. 1848, № 5, ч. IV, стр. 33.

за чѣмъ пришли ко мнѣ съ оружіемъ? Я всегда былъ съ вами и теперь не скрываюсь. Я пастырь вашъ и готовъ положить за васъ душу свою.» Что же дѣлаетъ народъ, такъ много облагодѣтельствованный Никономъ и такъ горячо любившій своего пастыря? Въ неистовствѣ кричить: «онъ намѣнникъ, онъ защищаетъ намѣнниковъ!» и, съ звѣрскою лютостію бросаеь на Никона, начинаетъ безъ пощады бить его дубьемъ и камнями до того, что служители отнесли митрополита въ келью, почти бездыханнаго (1). Нужно ли продолжать рѣчь далѣе?

Какъ же, спросятъ, долженъ былъ поступить п. Никонъ, при введеніи во всеобщее употребленіе новонаправленныхъ книгъ? Прежде мы уже высказали нашъ взглядъ на этотъ предметъ. Теперь приведемъ слова объ этомъ одного пастыря нашей церкви—митрополита Платона. Сказавъ объ исправленіи Никономъ книгъ и раземжѣ ихъ по всѣмъ церквамъ, митрополитъ Платонъ продолжаетъ: «но видится, что далѣе поступлено въ семъ случаѣ неосмотрительно. Вѣдѣно новонаправленныя книги вездѣ принимать, а старыя отбирать. А надлежало было объяснить всѣ причины исправленія книгъ и представить предъ очи видимыя ошибки, также оговорить, что и въ старыя книги ничего церкви противнаго не заключается, а только наводятся некоторыя отъ переписчиковъ ошибки и отъ переводчиковъ неискренности; а въ тѣхъ, кои такъ употребляли и употребляютъ, никакое заблужденія и ереси церкви не признаютъ: сіе учинить, надлежало было остаться на соли: по старымъ ли службамъ книгамъ или по новымъ. Вѣроятно, продолжаетъ Архиепископъ, что снѣ

(1) Начертаніе житія и дѣланій Никона—арх. Аполлоса стр. 18—19, 1848 г.

поступкомъ всѣхъ умы были бы успокоены и со временемъ новоисправленные книги взошли бы во употребленіе, а старыя сами собою вышли бы изъ употребленія. Но какъ стали вездѣ насильно новыя вводить, а старыя обирать, возсталъ общій ропотъ, возмущеніе, мятежь и расколъ. Невѣжи или суевѣры стали толковать, что аки-бы церковь дотолѣ была въ заблужденіи, и что святые угодники аки-бы по тѣмъ книгамъ служа также погрѣшали. А были, можетъ быть, и такіе, кои не хотя лишиться собственности имъ принадлежащей, а надлежало имъ не малое иждивеніе употребить на покупку новыхъ книгъ, также роптали и къ возмутителямъ приставали. Хотя при семъ случаѣ слѣдовало нѣкоторое благоразумное употребить снисхожденіе; но вмѣсто того укрощаемы они были вооруженною рукою, а нѣкоторые мятежники и казни были предаваемы. Сіе не только не погашало расколъ, но еще болѣе его возжигало, который и доселѣ къ великому церкви російской несчастію продолжается» (1). Замѣтимъ, что такъ говоритъ человѣкъ, который, по его собственнымъ словамъ, писалъ свою исторію не такъ, какъ дѣлаютъ это дѣло «новѣйшіе писатели исторіи нашей, которые нерѣдко обстоятельствамъ ласкательствуютъ, и чрезъ то лишаютъ свои сочиненія любезнаго и привлекательнаго исторіи свойства, то есть, истины и безпристрастія» (2).

Такимъ образомъ, очевидно, мы не согласны съ мнѣніемъ тѣхъ, кои считаютъ Никона совершенно невиннымъ въ дѣлѣ раскола, и всю вину зла слагаютъ на враговъ его. Каждому — свое.

(1) Кратк. Цер. Росс. Истор., т. II, стр. 234 — 5.

(2) Тамъ же т. I, стр. X.

Но говоря, что Никонъ поступилъ неосторожно, приказавъ на мѣсто прежнихъ неисправныхъ книгъ вводить книги новыя исправленныя, мы далеки отъ того мнѣнія нѣкоторыхъ, будто Никону не слѣдовало даже исправлять книги, такъ какъ народъ еще не былъ подготовленъ къ этому дѣлу ⁽¹⁾. Книги требовали исправленія, потому что, какъ мы замѣчали выше, въ нихъ было много погрѣшностей и ошибокъ, а умственное и нравственное состояніе современниковъ Никона было вовсе не таково, чтобы исправленію этому могло возникнуть особенно сильное противодѣйствіе, если бы, разумеется, не встрѣтились особенныя неблагопріятныя обстоятельства, устранить которыя было не невозможно при умѣнны вести дѣло съ надлежащимъ тактомъ. Правда, образованіе современниковъ Никона было не велико, нравственность стояла не на высокой степени, привязанность къ внѣшности была сильна; но все это было и прежде Никона, когда между тѣмъ исправленіе книгъ совершалось, хотя и не такое радикальное, и волненій изъ-за этого особенныхъ не происходило. При самомъ предшественникѣ Никона, патріархѣ Іосифѣ, исправленіе, или точнѣе передѣлка книгъ была очень немаловажная. Въ книги, изданныя въ это время, *первый разъ* внесены были многія изъ тѣхъ ложныхъ мнѣній, изъ-за которыхъ послѣ поднялся на Никона ропотъ, и однакожъ эти передѣланныя и испорченныя книги приняты были всѣми безпрекословно, привязанность къ книжной буквѣ не попрпятствовала никому согласиться на принятіе книгъ съ вставочными цѣлыми мыслями. Несчастный случай съ Діонисіемъ, троицкимъ архимандритомъ, не говоритъ ничего противъ нашихъ мнѣ-

(1) Дѣян. Петра Великаго — Голшкова, т. XIII, стр. 40, изд. 1840 г.

слѣ. Знакомый съ подробностями этой исторіи знаетъ, что возстаніе толпы противъ исправленій, сдѣланныхъ Діонисіемъ, проистекло не изъ чистой привязанности къ буквѣ и обряду, а изъ нечистаго источника—личной неприязни къ исправителю нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ (¹). По тѣмъ же причинамъ томился много лѣтъ въ темницѣ и первый исправитель нашихъ книгъ, преп. Максимъ Грекъ (²). Такимъ образомъ всѣ разсужденія нѣкоторыхъ писателей о глубокомъ невѣжествѣ нашихъ предковъ, объ испорченности нравовъ ихъ, о мертво-обрядовомъ направленіи религіозной жизни въ вѣкахъ, предшествовавшихъ появленію раскола, по нашему мнѣнію, суть не болѣе, какъ ученые изслѣдованія о нашей старинѣ, не имѣющія *прямою* отношенія къ вопросу о *происхожденіи* раскола. Правда, сближенія при этомъ бывають иногда очень удачны, но при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла въ нихъ оказывается болѣе остроумія, чѣмъ правды (³).

(¹) См. въ Чтен. Моск. Истор. Общ. (1848 г. № 8) статью: «исправленіе богослужебныхъ книгъ при п. Филаретѣ»; а также въ Русскомъ Вѣстникѣ (1867 г. № 17) стат.: «русскіе исповѣдники просвѣщенія, въ XVII вѣкѣ».

(²) Истор. Слов. М. Евгенія т. II, стр. 29 — 31.

(³) Отъ этого нерѣдко происходятъ самыя курьезныя вещи—въ родѣ наприм. сопричастія въ одной и той же книгѣ, и даже почти на одной страницѣ, слѣдующихъ мѣстъ: «расколъ произошелъ самъ собою въ слѣдствіе предварительнаго *впковаго развитія* въ нѣкоторой части Русскаго народа особаго *мнимо-старообрядческаго направленія*»,—однакоже «въ слѣдствіе энергическихъ, умныхъ и благотельныхъ распоряженій п. Никона, можно сказать, что расколъ, вѣроятно, совершенно былъ бы остановленъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ первоначально проявился, какъ секта *религіозно-обрядова*, если бы п. Никону дали до конца довершить его великое дѣло», потому что «народъ, (который болѣе всего и былъ привязанъ къ обрядности), горячо любившій Никона, по всей вѣроятности, съ безпрекословною покорностію принялъ бы изданныя имъ книги, если бы его не возмутили расколуучитель, бывшіе *личными* врагами, а также орудіями личныя и сильныхъ враговъ п. Никона» (Русск. Раск. Старобр. Шапо-
Т. I. Отд. II. 12

Состояніе умственное и нравственное нашихъ предковъ представляло почву, дѣйствительно, дурную, особую, раждать плевелы, если бы врагъ вздумалъ сѣять ихъ, но не до того загложшую, чтобы на ней искусная рука не могла возрастить добрыхъ плодовъ. Вообще мы не принадлежимъ къ категоріи тѣхъ, кои въ историческихъ событіяхъ видятъ какую-то логическую необходимость, и исторію считаютъ «потокомъ, ровно текущимъ по извѣстному направленію, и достигающимъ своей цѣли, которая хотя не представлена заранѣе, но все-таки очевидна по самому ходу дѣла.» Не отвергая основныхъ *законовъ историческаго движенія*, которыми управляется каждое общество, мы въ тоже время даемъ полное значеніе и общему ходѣ событій *личности*, а въ слѣдствіе этого думаемъ, что ходъ историческихъ событій «вовсе не прямолинейный, напротивъ, онъ идетъ прихотливими извилинами, то стремясь впередъ, то уклоняясь въ сторону, то возвращаясь назадъ, то отклоняясь вовсе отъ цѣли, и останавливаясь на извѣстной ступени», и все это—въ слѣдствіе сталкивающихся и перекрывающихся *случайностей*. Понимая дѣло такъ, какъ мы сказали, мы не согласны допустить мысли, будто расколъ «произошелъ самъ собою, въ слѣдствіе предварительнаго вѣковаго развитія въ нѣкоторой части русскаго народа особаго много-старообрядческаго направленія», напротивъ думать, что онъ — произведеніе XVII вѣка и именно тѣхъ случайныхъ обстоятельствъ, которыми полно было время Никонова патріаршества, хотя на проявленіе раскола въ той, а не иной формѣ, и по нашему мнѣнію, не могла не имѣть и дѣйствительно имѣла неоспоримое вдѣіе религіозная жизнь нашихъ предковъ въ вѣкахъ предше- ва, стр. 49—51). Кто не захочетъ видѣть въ этихъ мысляхъ проповѣдь, тотъ все-таки найдетъ въ нихъ путаницу.

ствовавшихъ XVII столѣтію. Высказывая эту мысль, мы считаемъ долгомъ сдѣлать одну оговорку: подъ расколомъ мы понимаемъ въ настоящемъ случаѣ не вообще обрядовое направленіе религиозной жизни нашихъ старообрядцевъ, — это направленіе началось въ нашей церкви еще въ XI вѣкѣ, продолжаетъ существовать и доселѣ въ большинствѣ простаго народа, но — возстаніе противъ церкви изъ-за нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей извѣстнаго числа вѣрующихъ и наконецъ рѣшительное отдѣленіе отъ ней.

Несудовольствіе, возбужденное въ народѣ повелѣніемъ Никономъ отобрать изъ церкви прежнія книги, не остановилось на одномъ волненіи; скоро оно перешло въ ропотъ и негодованіе на Патріарха и даже въ открытое возстаніе противъ него. Причиной этого были уже другія обстоятельства, почти нисколько не зависѣвшія отъ самого Никона. Тутъ являются главными дѣателями враги Патріарха, прежде всего бояре, а за ними Юсифовскіе спращаики книгъ. Лишь только Никонъ удалился въ Воскресенскій монастырь, бояре рѣшили воспользоваться удобной минутой для погубленія Патріарха. Разсылая прядь Царемъ клеветы на Никона, съ цѣлію произвестъ окончательный разрывъ между ними, оскорбляя на каждомъ шагѣ самого Патріарха поступками самыми беззаконными, но во имя Царя, — съ цѣлію раздражить Никона и вооружить его противъ Царя, — бояре въ тоже время начали распускать въ народѣ молву, будто Никонъ, врагъ православія и церкви, сдѣлался врагомъ самому Царю — и именно за свое еретичество. Это — съ цѣлію лишить Никона популярности въ народѣ. Но, вѣрно, не надѣясь собственными силами доказать еретичество Никонovo, потому что сами не знали «ни православія ни

кривославія», бояре вспомнили, что есть еще недовольные Патріархомъ люди, если не съ большимъ авторитетомъ, за то съ большимъ знаніемъ вѣры, — это Юсифовскіе справщики, лишеныя Никономъ своихъ мѣстъ и сосланныя имъ въ заточеніе по разнымъ городамъ. Поэтому они рѣшились во что бы ни стало возвратитъ въ столицу «снужныхъ» людей, — съ цѣлію «образовать для себя партію церковную, которая бы возстала противъ власти Никона и противъ новоучрежденнаго имъ церковнаго порядка.» Милостивое вниманіе бояръ прежде всего обратилось на самаго закятаго и самаго упорнаго врага Никонова — протопопа Аввакума. Въ скоромъ времени этотъ жаркій проповѣдникъ древнаго благочестія и беспощадный обличитель мнимыхъ новинъ Никоновыхъ является изъ Сибири въ Москву «милосердіемъ скитродержца» (1). Здѣсь «князи и бояре, по выраженію Денисова, тако любезно его пріяша, яко ангела Божія, и самому царю о немъ возвѣстиша, иже съ любовію того призвалъ, главу свою ко благословенію преклонивъ и свою десницу на цѣлованіе тому милостивно подавъ, слова мирная и жалостная съ въздыханіемъ тому бесѣдававъ, благодарно и милостивно отпусти.» По прояскаль бояръ, Аввакуму дано было право «о себѣ, яко хоцетъ, да содѣваетъ,» т. е. предоставлена была полная свобода дѣлать, что ему угодно. И Аввакумъ не упустилъ случая воспользоваться для своихъ цѣлей даннымъ ему правомъ. Онъ началъ распространять свои мысли о погубленіи Патріархомъ старой вѣры съ такимъ усиліемъ, что православные пастыри нашлись вынужденными жаловаться Царю на растригу въ томъ, что онъ «церкви запустошилъ,» т. е. увлекъ на свою сторону такое множе-

(1) Доп. къ Акт. Ист. V, стр. 443.

ство людей, что православные храмы сдѣлались пусты-
ли,—и съ такою дерзостію, что осмѣлился подать само-
му Царю жалобное прошеніе; «чтобы онъ старое благо-
честіе выискалъ и святую церковь отъ ереси оборонилъ
и на престолъ патріаршескій пастыря православнаго учи-
вилъ, вмѣсто волка и отступника Никона злодѣя» (1).
По примѣру Аввакума и вмѣстѣ съ нимъ, въ надеждѣ
на покровительство бояръ, а можетъ быть и по прямому
внушенію ихъ, началъ въ это время распространять ме-
жду жителями столицы подобное же лжеученіе другой
Юсифовскій справщикъ—діаконъ Ѳеодоръ. Порицая мни-
мыя нововведенія Никоновы, онъ въ то же время дерзко
клеветалъ не только на всѣхъ русскихъ архіереевъ, но
и на восточныхъ патріарховъ, будто бы уклонившихся
отъ православія, а наконецъ написалъ, подобно Аввакуму,
прошеніе Государю, «дабы повелѣлъ Никонова отложить
преданія, древнее же отеческое неизмѣнно держати бла-
гочестіе» (2). Сотрудниками Аввакуму и Ѳеодору явля-
ются и другіе распространители суевѣрія, любимцы бо-
яръ: дворецкій и любимецъ стольника Салтыкова—Исаія,
Авраамій ученикъ Аввакума, архимандритъ Покровскаго
монастыря Спиридонъ Потемкинъ — изъ боярскаго рода
Ютекинныхъ, Ѳеоктистъ — Златоустовскаго монастыря,
членникъ Іоанна Неронова и множество другихъ лицъ,
или недовольныхъ Патріархомъ, или вооруженныхъ про-
тивъ него боярами, которые вели себя въ настоящемъ
лучшѣ такъ, что заслужили со стороны расколуучителей
азваніе «вѣрныхъ Никодимовъ, добрыхъ и преподезныхъ
евретовъ.» Свобода, съ какою дѣйствовали, подѣ крѣп-
ю защитою бояръ, расколуучители въ Москвѣ, развя-

(1) Жит. Аввак.

(2) Вли. Росс.; Доп. къ Акт. Ист. V, 481.

зала руки и другимъ лицамъ, недовольнымъ Патріархомъ, и находившимся вдали отъ столицы. Никита и Лазарь, ограничивавшіеся прежде одною проповѣдію въ пользу древняго благочестія, теперь написали каждый по челобитной и подали ихъ царю Алексѣю Михайловичу, жалуясь въ нихъ на поврежденіе Никономъ старыхъ книгъ. Тоже дѣлали и другіе расколуучители, каждый по своимъ побужденіямъ, но всё въ надеждѣ на содѣйствіе бояръ (¹). Даже тѣ лица, кои прежде покорялись волѣ Патріарха и соглашались на предпринятое имъ исправленіе книгъ, теперь объявили себя на сторонѣ раскола, сильнаго покровительствомъ князей и бояръ. Таковъ былъ Александръ, епископъ вятскій, подписавшійся подъ опредѣленіями московскаго собора 1656 года, одобрявшаго между прочимъ книгу Скрижаль — съ ученіемъ о троеперстїи, и не смотря на это приславшій въ 1663 году къ Царю жалобную грамоту на Никона, окаявша въ ней исправленіе символа и вообще богослужбныхъ книгъ. Такимъ образомъ бояре, по своей личной неприязни къ Никону, покровительствовали расколуучителямъ, которые въ свою очередь своими клеветами на иже еретичество Патріарха, лишавшими его довѣрія народа, помогали боярамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, расколу не трудно было усилиться и распространиться, и онъ дѣйствительно усилился въ это именно время, по совѣнію самихъ бояръ, писавшихъ народу по низложеніи Никона: «и яко оставленіемъ престола, сотвори церковь святую вдовствовать осьмь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ: въ неже между-патріаршества время близишася его ради мнози и явишася раскольницы и мятежницы православныя рооссійскія церкви, лестными ученни своими погу-

(¹) См. Ист. Р. р. изд. 2, стр. 186—7.

бывшіи многія души» (1). Съ другой стороны, при такомъ положеніи дѣлъ, гибель Никона была неизбѣжна. Всѣ были противъ него и никто за него. Сами духовныя власти, не отрицая необходимости пачатыхъ Никономъ исправленій, не считали нужнымъ признавать болѣе достоинства его, какъ патріарха. И вотъ когда, въ слѣдствіе челобитныхъ раскольническихъ о низложеніи Никона, составился соборъ въ 1660 году для разсужденія объ этомъ предметѣ, только голосъ одного человѣка (архимандрита полоцкаго Игнатія) былъ въ пользу Никона; остальные всѣ признали его достойнымъ лишенія не только престола, но и сана, хотя не имѣли даже права судить своего архипастыря (2). Самъ царь, опутанный интригами бояръ, велъ себя въ настоящемъ случаѣ ниже своего величія. Не отвергаемъ того, что добродушному и мягкосердечному Алексѣю Михайловичу трудно было бороться съ кознями бояръ и придворныхъ, осаждавшихъ его, по выраженію Майерберга, до того, что никому другому не было до него доступа. Тѣмъ не менѣе не можемъ не высказать своего сожалѣнія о томъ, что Царь оставилъ Патріарха—любимца и друга въ жертву врагамъ его. Мы не знаемъ истинныхъ причинъ неудовольствія между Царемъ и Никономъ, но тѣ, которыя знаемъ, по нашему мнѣнію, далеко недостаточны были для того, чтобы забыть всѣ заслуги Никона предъ отечествомъ и самимъ Царемъ. А кажется, не слѣдовало бы забывать этихъ услугъ,—такъ онѣ были велики. Еще въ бытность новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ съ опасностію жизни усмирилъ мятежъ, спасъ отъ смерти воеводу царева князя Хилкова и привелъ непокорныхъ въ

(1) Дреш. Рес. Всплос. ч. III, стр. 404, собр. грам. IV, № 63, 182—185.

(2) Игнат. Истор. о расколахъ стр. 192—194.

послушаніе Царю. На престолѣ патриаршемъ Никонъ былъ первымъ и самымъ умнымъ совѣтникомъ Царя; ни одно государственное дѣло не рѣшалось, въ которомъ бы не участвовала мысль Никона; при участіи Никона, къ которому и обратился Хмѣльницкій съ просьбою о помощи, присоединена была къ Россіи Малороссія; по его совѣту начата война съ Польшею, кончившаяся такъ удачно, что Алексѣй Михайловичъ признанъ былъ преемникомъ Яну Казимиру. Когда Царь находился въ походѣ, семейство царское поручено было Алексѣемъ Михайловичемъ попеченію Патриарха. И Никонъ, не смотря на свирѣпствовавшую въ то время моровую язву, спасъ дорогихъ Царю лицъ, хотя для этого нужно было ему странствовать изъ одного мѣста въ другое, съ опасностію сдѣлаться жертвою язвы. Услуга эта, по признанію самого Царя, была такъ велика, что онъ «въ восторгѣ радости» тогда же назвалъ Никона великимъ государемъ, приказавъ, не смотря на нежеланіе Никона, писать этотъ титулъ во всѣхъ государственныхъ актахъ. Плодомъ трудовъ Патриарха было и то, что въ началѣ 1656 г. молдавскій воевода Стефанъ просилъ Царя принять его подъ покровительство, что и было сдѣлано, хотя и не надолго ⁽¹⁾. Не говоримъ о другихъ заслугахъ Никона, какъ общественнаго дѣятеля, напр. о его благотворительныхъ учрежденіяхъ (богадѣльняхъ), которыя онъ заводилъ и въ Новгородѣ и въ Москвѣ, питая въ нихъ тысячи голоднаго народа; и указанныхъ достаточно, чтобы видѣть, что Никонъ по праву пользовался любовію Царя и высокимъ значеніемъ въ цѣломъ государствѣ. И однакожь все это скоро было забыто Царемъ,—забыта была даже клятва, данная Никону, отрекавшемуся отъ престола, Царемъ и

(1) Истор. Русс. Церкв. пр. Филар. IV, стр. 32—38.

народомъ — слушать его, какъ патріарха, во всемъ безпрекословно. Вотъ почему, не смотря на всѣ ошибки, допущенныя Никономъ, какъ человѣкомъ, наше сочувствіе невольно обращается къ нему и готово извинить ему многое за его страданія. И на оборотъ, чувствуется непреодолимая антипатія къ другимъ дѣятелямъ этой эпохи, виновникамъ гибели Патріарха. Всего менѣе, разумѣется, должно считать нравственно-виновнымъ въ этомъ дѣлѣ Алексѣя Михайловича. Но и онъ не безъ упрека, особенно за то двуличіе и нерѣшительность, съ какими дѣйствовалъ Царь въ отношеніи къ Никону, послѣ того, какъ бояре успѣли поселить между ними раздоръ, и которыя были причиной страданій Патріарха медленныхъ, но тѣмъ болѣе убійственныхъ. Пусть бы при первыхъ возникшихъ неудовольствіяхъ, если были на это серьезные причины, Алексѣй Михайловичъ прямо объявилъ себя противъ Никона; тогда развязка послѣдовала бы скоро. Не такъ поступилъ Царь. Давъ замѣтить Никону свой гнѣвъ, побудившій Патріарха оставить Москву ⁽¹⁾ онъ въ тоже время пишетъ ему самыя дружескія письма, въ которыхъ величаетъ Никона «великимъ государемъ, отцемъ,» а себя «сыномъ возлюбленнымъ» ⁽²⁾. Повѣривъ наглой клеветѣ бояръ, будто Никонъ проклиналъ Царя въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ, Алексѣй Михайловичъ въ гнѣвѣ приказываетъ пронавести строгое

(1) «Се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды,» писалъ Никонъ Царю, оставилъ Москву и удалился въ Воскресенскій монастырь, «и того ради и соборовъ во святыхъ церквахъ лишаемы. Азъ же пришеюць есмь на землѣ. И се нынѣ, поминая заповѣдь Божию, для моего гнѣву, отхожду отъ мѣста и града сего. И ты внимаи предъ Господомъ и Богомъ отвѣтъ дати» (Истор. Русской Церкви, преосвящен. Филарета IV, стр. 44).

(2) Какимъ мученіемъ стояло Никону это письмо Алексѣя Михайловича, см. объ этомъ Чтен. Моск. Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848 г. № 5, ч. IV, стр. 41—2.

исследование; когда же доносъ оказывается несправедливымъ, посылаетъ Никону подарокъ, а бояръ-клевветниковъ оставляетъ безъ суда и наказанія. Созывается соборъ (въ 1660 г.) для разсужденія о дѣлахъ Никона, и когда недовольныя Патриархомъ духовныя власти опредѣляютъ лишить своего архиепископа — единаго патриаршаго престола, другіе — самаго сана, повергая впрочемъ со смиреніемъ свое рѣшеніе на благоусмотрѣніе Царя (1), Алексѣй Михайловичъ не дѣлаетъ ни того ни другаго, но и не оправдываетъ Никона, не смотра на то, что іерусалимскій патриархъ Нектарій, въ отвѣтъ на вопросы о царской и патриаршей власти, отправленные Алексѣемъ Михайловичемъ къ восточнымъ патриархамъ, ясно писалъ, что онъ ни въ грамотѣ царской, ни въ наказѣ посла не нашелъ достаточныхъ причинъ къ обвиненію Никона, и умолялъ Царя вспомнить заслуги Никона и возвратитъ его на патриаршій престолъ. Когда, по настоянію газскаго митрополита Павсія Ладарида, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ бояръ, Царь рѣшилъ созвать соборъ для окончательнаго суда надъ Никономъ и для этого послалъ приглашительныя грамоты къ восточнымъ патриархамъ, — и на этомъ соборѣ (1667 г.) Алексѣй Михайловичъ ведетъ себя самымъ двусмысленнымъ образомъ: то подходит къ Никону и со слезами на глазахъ говоритъ ему: «о святѣйшій! за чѣмъ положилъ ты на меня такое пятно, готовася къ собору, какъ бы на смерть? Или думаешь, забылъ я всѣ твои заслуги, мнѣ лично и моему семейству оказанныя во время язвы, и прежнюю нашу любовь» (2), изъявляя при этомъ желаніе мира; то, еще прежде прибытія Никонова на соборъ, убѣждаетъ Лазаря Баранови-

(1) Ист. о раск. преосв. Игнат. стр. 192—193.

(2) Чтен. Моск. Общ. 1848 г. № 5. IV, стр. 46.

ча, епископа черниговскаго, не соглашавшагося на осужденіе Патріарха, помогать врагемъ Никона, говоря: «о епископе, еще ты патріарха Никона и не знаешь: не ведалъ: но яко слышалъ еси, яко человекъ онъ яръ оубо и нестерпимъ, молю же тя о семъ, егда будетъ призванъ онъ на соборъ сей, потысяся во всемъ помоществовати намъ» (1); и за тѣмъ, не смотра на то, что никто ничего не могъ сказать въ осужденію Никона «кромя оныхъ трехъ мужей» — епископовъ: Павла Крутицкаго, Иларіона Рязанскаго и Меодія Мстиславскаго, которые, по неучтивому выраженію Шумерина, «яко зѣріе дивія обскачюще блаженнаго Никона, ринающе и вопіюще недѣльными гласы, и безчашно всячески кричаку, лающе» (2), да и въ боярѣ—князя Долгорукова, — Царь все-таки согласился на опредѣленіе собора—лишить Никона сана и заточить на вѣчное жоканіе въ пустынную обитель, какъ простаго монаха. Наконецъ, послѣднее дѣйствіе царя Алексѣя Михайловича въ судѣ надъ Никономъ еще болѣе поражаетъ насъ своею несправедливостію. Не удовольствовавшись тѣми вишамъ, которыя возвелъ на Никона соборъ, онъ позволилъ боярамъ надать еще гражданскій манифестъ, съ объявленіемъ причинъ осужденія Патріарха, и въ числѣ этихъ причинъ—помѣстить многія такія, въ которыхъ Никонъ совершенно не былъ виновенъ, или даже въ которыхъ виновенъ былъ самъ Царь (3). Конечно, народъ, ради котораго наданъ былъ этотъ манифестъ, можно было обмануть; но нельзя было надѣяться на тотъ же исходъ дѣла въ отношеніи къ потомству. А между тѣмъ этотъ же самый царь предъ смертію яв-

(1) Житіе Никона-Шумерина — рукоп. Новгор. Соф. Библ. № 1371 л. 28 об.

(2) Тамъ же л. 38.

(3) Ист. Р. Церк. пр. Филар. IV, стр. 52—54.

саль въ завѣщаніи: «отъ отца моего духовнаго, великаго господина, святѣйшаго Никона, іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не есть нынѣ на престолѣ семъ, *Богу тако изволишу*, прощенья прошу и разрѣшенія» (1), хотя заточенному, по волѣ царя, Никону, не было *разрѣшено* пользоваться даже свѣтомъ дневнымъ, потому что окна его Бѣлозерской келліи заколочены были наглухо (2). Зная простой и мягкій характеръ Алексѣя Михайловича, мы далеки отъ того, чтобы во всѣхъ указанныхъ двудличныхъ поступкахъ его видѣть какой либо макіавелизмъ,—для этого нужно слишкомъ много ума и не мало хитрости,—и думаемъ, что все это зависѣло единственно отъ слабодушія Царя, который, будучи поставленъ обстоятельствами, что называется, между двумя огнями—любовію къ Никону, которая хранилась въ сердцѣ Алексѣя Михайловича до послѣднихъ дней жизни, и ненавистію къ Патріарху бояръ, отъ вліянія которыхъ не было силъ освободиться, просто, какъ говорится, растерялся и не зналъ, что дѣлать, или лучше, поступалъ по требованію минуты, то подчинялся интригамъ бояръ противъ Никона, то следуя иногда влеченію сердца, еще не успѣвшаго разлюбить Патріарха—друга. Поэтому образъ дѣйствій Алексѣя Михайловича въ отношеніи къ Никону, со времени удаленія послѣдняго изъ Москвы и до самой смерти Царя, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, болѣе сожалѣнія, чѣмъ упрекъ.

Въ кого же, спросятъ насъ послѣ этого, бросить камень осужденія за появленіе раскола, причинившаго такъ много зла церкви православной? Бросать камни мы не намѣрены ни въ кого, а выскажемъ *sine ira et studio*

(1) М. Плат. Церк. Ист. II, 364.

(2) Чт. Моск. Ист. Общ. 1848 г. № 3, ч. IV, стр. 48.

наше мнѣніе объ этомъ предметѣ, которое будетъ естественнымъ заключеніемъ изъ всего сказаннаго доселѣ. Почва для раскола, какъ решителя буквы и обряда, существовала въ нашей Церкви гораздо прежде XVII вѣка. Но это не значитъ, будто на этой почвѣ необходимо долженъ былъ рано или поздно произрасти «куколь душевредный» въ образѣ раскола, какъ возстанія извѣстнаго числа вѣрующахъ противъ церкви и наконецъ рѣшительнаго отдѣленія отъ нея, хотя бы изъ-за обрядовыхъ же расхожденій. Расколъ въ этомъ смѣслѣ произошелъ вслѣдствіе условныхъ обстоятельствъ, возникшихъ въ началѣ второй половины XVII вѣка, по милости главныхъ дѣятелей этой эпохи на поприщѣ церковномъ и гражданскомъ, и есть въ этомъ отношеніи явленіе чисто случайное. Исправленія и. Никономъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ чиновъ нельзя считать причиною появленія раскола; оно могло совершиться безъ подобной катастрофы, если бы Никонъ велъ это дѣло не только согласно съ требованіями православія, но и сообразно съ практическою мудростію. Неосторожный поступокъ его съ Іосифовскими исправленіями былъ первымъ поводомъ къ раздѣленію церковному, явившемуся впрочемъ сначала въ видѣ личной неприязни къ Патриарху только нѣкоторыхъ, недовольныхъ имъ, и сосредоточившемуся по преимуществу въ Москвѣ. Строгія мѣры Никона противъ этихъ нѣкоторыхъ усилили ихъ личное неудовольствіе къ нему и дали ему форму возстанія не только противъ Патриарха, но и противъ его святаго дѣла, — исправленія книжнаго, которое даже само по себѣ могло не нравиться многимъ. Заточеніе Никономъ непокорныхъ по разнымъ мѣстамъ Россіи дало случай развиться злу широко и далеко, особенно при посредствѣ общаго нерасположе-

нія къ Никону за его выслательность. Неблагодарными мѣра, употребленная Никонемъ, при введеніи въ церковное употребленіе новоисправленныхъ книгъ на мѣсто прежнихъ неисправныхъ, вводила до рокова далеко и тѣхъ, кто не видѣлъ отъ него ни добра, ни худя, но смущалъ какими либо образомъ проповѣдь Аствакума, или кого либо изъ подобныхъ ему. Бояре, личные враги Никона за то, что онъ, справедливо пользуюсь близостію къ Царю, не всегда осторожно прилагалъ къ нимъ эту близость, довершили остальное. Но ихъ преслѣванъ и интриганъ, Никонъ лишается любви Царя, оставляетъ стѣпу, которая немедленно разоднается врагами его — расколуучителями, начавшими свободно переводить свое личную неприязнь къ Патріарху въ чужія души, заведывается даже народомъ въ своемъ православіи, — является расколъ, какъ средство въ рукахъ враговъ Патріарха погубить его, какъ необходимый продуктъ той закулисной механики, которую вели бояре для этой цѣли. Алексѣй Михайловичъ, растерявшійся до неспособности владѣть особою и своимъ рѣшеніями въ этомъ водоворотѣ страстей, противъ воли, нанесъ послѣдній ударъ Никону, рѣшившись на осужденіе его, — и расколъ, не сдерживаемый болѣе мощною рукою Никона, пошелъ отырытею дорогою повсюду, и даже достигъ XIX столѣтія. Вотъ практикій очеркъ того пути, которымъ воспользовался «завистливый врагъ», чтобы «всѣмъ на кладовитой нивѣ нашей православной державы куколь душевредный — душепогубимъ расколъ (1)», — и тѣмъ неизлечимъ, по которому расколъ, если можно выразиться такъ, шелъ съ минуты рожденія своего до возмущалости. А теперь не трудно уже видѣть, какая доля вины въ появленіи раскола при-

(1) Доп. къ Акт. Ист. V, стр. 445.

надлежить каждому изъ тѣхъ лицъ, при которыхъ онъ водникъ. П. Никонъ ставтъ въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ. Но онъ виноватъ не столько, за сколько можетъ быть виноватъ человѣкъ, съ самыми прекрасными стремленіями, только не всегда благоразумный въ выборѣ средствъ для своихъ цѣлей, не умѣющій приспособляться ни ко времени, въ которое живетъ, ни къ лицамъ, которыми окруженъ, ни къ обстоятельствамъ, въ которыхъ поставленъ, и отъ того часто вынужденный видѣть самыя дурныя слѣдствія отъ исполненія своихъ самыхъ добрыхъ намѣреній. Если мы при этомъ принимаемъ то обстоятельство, что Никонъ, какъ бы чувствуя свою неспособность быть общественнымъ дѣятелемъ, особенно въ ту эпоху, которая выдала на его долю, до упорства отказывался отъ патриаршаго престола и, только въ слѣдствіе вѣдствія Царя и народа — быть послушнымъ ему во всемъ, принималъ въ свои руки жезлъ святителя Петра, — съ другой стороны, если обратимъ вниманіе на тѣ невыразимо-тяжелыя страданія, какія несъ этотъ вѣрный своему обязанности мужъ, сперва при видѣ безпорядковъ, какіе существовали тогда и въ духовенствѣ и во всемъ обществѣ, потомъ — при неудачѣ въ своихъ предпріятіяхъ, когда благія намѣренія его не только не вели ни къ чему доброму, напротивъ дѣлались источникомъ новыхъ золъ, затѣмъ — по прошеніямъ враговъ, которые, какъ мы видѣли, въ своихъ козняхъ протавъ Никона были находчивы до изобрѣтательности, разнообразны до неистощимости и коварны до злости, далѣе — отъ немилости и гнѣва Царя — друга, личнаго любимаго своего престола и заточившаго его, какъ бы перваго врага, до тѣсноты и скорби по самую смерть, — наконецъ, если обратимъ вниманіе на страданія Никона даже по смерти, потому что, скажемъ

словами преосв. Игнатія (1), мниное старообрядство некаженіемъ лица Никонова сдѣлало страшналице, которое конмаромъ давить цѣлые милліоны людей, и притомъ не во снѣ, а на яву, не годъ и не десять лѣтъ, а вотъ уже скоро два столѣтія: то думаемъ, что не погрѣшимъ противъ справедливости, если, не смотря на всѣ ошибки Никона, отнесемъ съ полнымъ сочувствіемъ къ этому замѣчательнѣйшему человѣку и отъ души пожалѣемъ о его злополучной судьбѣ,—тѣмъ болѣе, что всѣ ошибки Никона были *только грѣхами невѣдѣнія*. Да, пусть въ чемъ другимъ осуждаютъ Никона,—пусть указываютъ на его строгость, вспыльчивость, раздражительность и другіе недостатки, пусть гаушатся надъ его плохимъ знаніемъ еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ и даже будто бы — богословскихъ наукъ (2),—вольному—воля; но было бы въ высшей степени не справедливо заподозрѣвать Никона въ *неблагодѣяности*. Нѣтъ—это былъ «пастырь добрый и вѣрная души» (3), — невинный голубь, хотя и безъ мудрости зміи.

Не тѣми чувствами наполняется душа при мысли о другихъ лицахъ, прямо или косвенно содѣйствовавшихъ появленію и усиленію раскола, каковы были Юсифовскіе сирашники книгъ и бояре. Аввакумъ и его сотоварищи первые положили начало раздѣленію церковному, когда возстали сами противъ начатаго п. Никономъ книжнаго исправленія и огласили предъ другими его мнѣнія заблужденія и ереси. Они же всего болѣе помогали и распространенію раскола своею устною и письменною повѣдію сперва въ Москвѣ, а за тѣмъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. На нихъ поэтому, какъ на «начальниковъ

(1) Истор. о ересяхъ и расколахъ стр. 160

(2) Ист. Царств. Алексѣя Михайловича—Берха, ч. 1, стр. 220.

(3) Церк. Ист. и. Плат. II, стр. 241.

воинства: раскольническаго, не сознанію самима епарх-
 обрядцевъ, не преимуществу и должно бы имѣть окуп-
 деніе за то зло, какое принесло святой церкви отдѣле-
 ніе отъ ней известнаго числа вѣрующихъ, и за глубокъ
 души отдѣлившихся, — *если бы мы были совершенныя ре-
 рены, что эти люди дѣйствовали только подъ влияніемъ
 своихъ страстей и личной неприязни къ Патриарху. Но
 кто знаетъ оныя челоуки, даже съ челоукомъ, почему буре
 челоука, жмущій съ нами (1 Кор. 2, 11)? Правда, какъ
 мы выше показали, есть причины и основанія для по-
 добной утѣренности; но, какъ томы замѣчали мы, никакъ
 не видѣть въ дѣйствіяхъ Юсифовича оправданіе и
 другаго начала, сирмвалнаго въ дѣхъ убѣжденіяхъ и
 вѣрованіяхъ, хотя и ошибочныхъ. Трудно опредѣлить
 степень участія того и другаго начала, а этимъ дѣломъ
 затрудняется и рѣшительный приговоръ надъ указанными
 лицами, хотя не можемъ не замѣтить, что зло, совер-
 шенное ими, очень велико. Участіе бояръ въ дѣлѣ рас-
 кола было не прямое, а косвенное. Они только разду-
 жали Даря съ Патриархомъ, лишили послѣдняго возмож-
 ности вести дѣло книжнаго испраденія свободно и, до-
 жеть быть, съ меньшими ошибками, унизили Никона въ
 глазахъ народа клеветою на мнимое его еретичество и,
 заключивъ союзъ съ расколоучителями, дали имъ средства
 дѣйствовать съ болъшею свободою. Не смотря однакожъ
 на все это, бояре предъ судомъ правды безотвѣтно ви-
 новны. Это потому, что всѣ дѣйствія ихъ имѣли источ-
 никомъ своимъ единственно самое мелкое самолюбіе и
 самый низкій эгоизмъ, а между тѣмъ бояре знали, или
 по крайней мѣрѣ должны были знать, что, возставая про-
 тивъ Никона, они вредили самой святой церкви, — спасая
 свои вельможныя права, губили невинныя души другихъ.*

Предполагать въ извѣщеніе боярѣмъ, что и сами они могли сочувствовать мыслямъ раскола, мы не смѣемъ ⁽¹⁾, зная, что лишь только Никонъ былъ осужденъ, союзъ бояръ съ раскольниками прекратился, и они стали величать раскольниковъ не иначе, какъ «мятежниками православна руссійска церква, кестными ученики своими погубившими многія души ⁽²⁾». При чтеніи этихъ словъ невольно вѣришь Богдану Хмѣльницкому, который говорилъ, что отъ бояръ-современниковъ Никона нельзя было и ожидать ничего путнаго ⁽³⁾. Что касается Алексѣя Михайловича, то объ немъ уже была рѣчь прежде.

Такимъ образомъ никто изъ главныхъ и болѣе видныхъ дѣятелей церковныхъ и гражданскихъ въ началѣ второй половины XVII вѣка не свободенъ отъ упрека въ дѣлѣ раскола, хотя каждому принадлежитъ *своя доля вины*. Никитинъ былъ въ этомъ дѣлѣ, по нашему мнѣнію, одинокъ только народъ. Онъ былъ обманутъ и введенъ въ заблужденіе людьми вліятельными, а между тѣмъ на его-то долю и выпали тѣ многочисленныя страданія, съ которыми соединено въ каждомъ государствѣ отдѣленіе отъ господствующей церкви людей заблуждающихся.

М. Нильскій.

⁽¹⁾ Хотя не отвергаемъ, что и некоторые изъ бояръ были заражены расколомъ, только не Милославскіе, не Одоевскіе, не Трубецкіе и под. главные враги Никона (Ист. Р. Церк. просс. Филар. IV, стр. 38).

⁽²⁾ Древн. Росс. Визитов. ч. III, 404; свес. Русс. Раск. Старооб.—Щапова, стр. 339.

⁽³⁾ Ист. Р. Церк. просс. Филар. IV, стр. 41.